

К.ПАЛЛОН Синяя
ИРМА

ПЕМНЬИЕ СПРАСЫ

SALAMANDRA P.V.V.

Карл
ПАЛЛОН

СИНЯЯ ИРМА

Salamandra P.V.V.

Паллон К. Н.

Синяя Ирма. Подг. текста и биогр. справка А. Степанова и М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. — 110 с. — (Темные страсти).

«Фантазия писателя редко может создать такие положения, которые преподносит нам действительность в наше время, время переустройства жизненных устоев человеческого общества... Такова история русской эмигрантки Ирмы, известной в мире “великосветских” проституток под кличкой “Синяя Ирма”, которую я и воспроизвожу в этой книге по добытым мною материалам и личным наблюдениям здесь, в Южном Китае», — пишет в предисловии к своей повести автор, репрессированный моряк-беллетрист К. Паллон (1895-1938). Его книга, увидевшая свет в 1925 г., переиздается впервые.

К. ПАЛЛОН СИНИЯЯ
ИРМА

ПРИБОЙ

СИНЯЯ
ИРМА

Книга посвящается дорогой

ЮЗИК

*работнице 1-ой Государственной
швейной фабрики*

ОТ АВТОРА

Фантазия писателя редко может создать такие положения, какие преподносит нам действительность в наше время, время переустройства жизненных устоев человеческого общества. Стоит только порыться в жизни людей, выброшенных событиями мирового значения из своей колеи, как вскрываются целые страницы настоящей фантастики, которая, однако, является подлинной жизненной действительностью.

Такова история русской эмигрантки Ирмы, известной в мире «великосветских» проституток под кличкой «Синяя Ирма», которую я и воспроизвожу в этой книге по добытым мною материалам и личным наблюдениям здесь, в Южном Китае.

Фантазией дикой и необузданной кажется все то, что ей пришлось пережить. Об эмигрантах и их жизни кое-что писали. Но описание того последовательного гниения и разложения их общества, которое требовало к себе известного отношения и еще недавно претендовало на руководство «будущим» русского народа, имеется и по сие время в весьма ограниченном размере.

Они убежали от «ужасов и варварства» большевизма. Но чем они стали там — за границей? Где их так называемые «нравственные устои»? А о лоске, светском тоне, «хорошем тоне», вежливости и учтивости, которыми они некогда так чванились, теперь и говорить уже нечего... Всему свету они показали свою полную неприспособленность к жизни.

Они готовы трудиться, но не умеют. Они готовы взять любую работу, но доверия к ним быть не может. И конец «Синей Ирмы» есть апофеоз их эпохи, плачевной и трагической для них, но светлой и радостной для нас, строящих на новых началах новую жизнь.

К. Паллон

Гор. КАНТОН,
провинция Кван-Тунг, Южн. Китай.
3 ноября 1924 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Страшные это были дни. Страшные для тех, кто до этого жил в довольстве, уюте и роскоши. Кто имел вкусную пищу, одевался в шелка и ненавидел все то, что пахло потом и физическим трудом. Не так-то приятно попасть в руки людей, свергающих старое, гнилое, ненавистное.

Суда постепенно наполнялись живым людским потоком. Лихорадочно, в страшном беспорядке уходило все то, что имело титул, чин или высокое звание. А главное — деньги. В паническом ужасе занимались места на судах, готовых к отплытию. Куда? Не все ли равно? Лишь бы уйти от рук «большевиков» и партизан. Этой паникой был охвачен весь Владивосток.

Почтенные старцы, шикарные дамы, именитые благовоспитанные молодые люди и девушки, жившие на «Светланке» и разъезжавшие еще недавно по ней в великолепных экипажах, — все убегали, бросая имущество, дома, предприятия...

Всех обуяла одна мысль:

«Уйти! Бежать скорее, во что бы то ни стало...»

Почему?

Об этом не задумывались. Бежали потому, что боялись мести восставшего народа.

Ирма Ивановна Ксинадорова, забрав все свое золото, серебро, бриллианты и наличные деньги, спешила на пристань. Ее трехлетний сын Алеша, красивый и изнеженный мальчик, смотрел большими вопросительными глазами на уличную сутолоку, не понимая всей серьезности происходящих событий. А Ирма Ивановна волновалась не на шутку. Пароход должен через час уйти, а она не знает, успеют ли доставить ее многочисленные чемоданы на пристань. Ведь там все ее белье, платья и Алешинцы вещи. Что она будет делать, если они останутся здесь?

Высокая, полногрудая брюнетка, в модном манто, с таинственными серыми глазами, она представляла собой весьма и весьма красивую женщину.

Ей двадцать семь лет, и она, кажется, вдова. То есть, она не знает точно, вдова она или нет. Сведения с фронта, от случайных людей, гласили о том, что ее муж, полковник Ксипадоров, убит красными латышскими стрелками в бою. Но официально штаб командующего ей ничего не сообщил. О, эти красные, в особенности эти латыши! Как она их ненавидит!

Ее глаза приняли темный оттенок от охватившей ее злости. Теперь она уходит, бросая свой большой, прибыльный и красивый дом на углу Светланской и Рыбачьей улиц. Но ведь она, как и все, убеждена в том, что этот уход лишь временный. Ненадолго.

— В Сибири действуют наши войска. Они медленно, но методически разбивают этих бандитов и грабителей. Милая Ирма Ивановна, не беспокойтесь, мы очень скоро вернемся сюда и...

Так говорил ей сосед, домовладелец Петр Севастьянович Малинин. Он неглупый человек, с большими связями в армии. Но и ему сейчас приходится уходить, чтобы не попасть в руки надвигающихся повстанцев.

Вот и пароход. Какая масса народу! Много знакомых лиц. Ирма Ивановна, придерживая руку маленького Алеши, поднимается по большому трапу, и вслед за ней идет Хи-Чанг, слуга-китаец, с ручным багажом. Как бы он чего-нибудь не потерял!.. Тут она вспомнила, что с Хи-Чангом она принуждена будет расстаться. Ведь для него не удалось билет досстать. Жалко! Как она с Алешей будет обходиться без этого добродушного слуги? Она удостоверилась лишний раз, что у Хи-Чанга все пакеты налицо... На палубе ее встречают знакомые. Лица у всех серьезные, озабоченные и встревоженные.

Ирма Ивановна полна забот.

Ее подруга, Анна Васильевна, жена статского советника Савигина, взяла под свое попечение Алешу; кто-то из знакомых молодых людей переносит ее вещи в каюту, а Хи-Чанг с беспрестанной улыбкой смотрит на свою бывшую хзяйку, перебирая на месте ногами. Его настроение трудно определить. Он не то рад, не то опечален отъездом своей госпожи.

— Ах, чуть-чуть не забыла! — смеется деланным смехом Ирма Ивановна, поворачиваясь к китайцу. — Будь здоров, Хи-Чанг! Охраняй наш дом и... Мы скоро вернемся... Не поддавайся и не слушайся красных... Да!..

Снова вспомнила что-то. Открыла большой серебряный ридикюль и сунула усиленно раскланившемуся китайцу какую-то кредитку в руку.

Хи-Чанг был темный и забитый китаец. Поймав ее белую руку, он поцеловал ее, сжимая кредитку в руках...

— Бутем смотрэт, мадама... Хи-Чанг бутем смотрэт... При-есшай...

У Ирмы Ивановны на глазах выступили слезы, которые она быстро смахнула шелковым платком.

Хи-Чанг, спускаясь по трапу обратно на берег, беспрерывно улыбался и скоро исчез в пестрой толпе на набережной.

Каюта, занятая Ирмой Ивановной, была полна народом.

Статский советник Савигин, молодые люди и барышни, вежливо улыбаясь, внимательно слушали болтовню повеселевшей Ирмы Ивановны.

— Вы не знаете, как я рада, что получила билет! Ведь это была последняя возможность уйти из Владивостока... А оставаться...

Она сделала гримаску отвращения.

— Благодарю покорно! Переживать всякие ужасы, стыд, срам, а, может быть, и позор от этих «товарищей». Нет!.. Алеша! — Она быстро наклонилась к своему сыну. — Любишь ли ты «товарищей»? А? Ответь, сыночек! Ух, ты, моя радость!..

Подняла сына к себе на колени и звучно расцеловала в обе щеки.

— Нет! — отчеканил малыш, очевидно, заранее заученный ответ.

— А что им должно быть?

— Смерть! — ответил быстро Алеша и слез с колен своей матери.

Дружный хохот окружающих смутил мальчика, и он повторил:

— Им смерть, потому что они убили моего папа. Насего

Миселя...

Смех умолк, и Ирма Ивановна внезапно, неожиданно для всех, всхлипнула и тихо заплакала.

Савигин пробурчал авторитетным басом, качая седой головой:

— Да! Как принято говорить: устами дитяти изрекается правда. Не расстраивайтесь, матушка Ирма Ивановна! Нечего убиваться! Видно, воля на то Божья! Приедем в Шанхай и заживем. Там нас ни один большевик не тронет.

Ирма Ивановна хотела ему возразить, что она в Бога не верует, что такие утешения хороши лишь для простонародья, но смолчала...

— Мадам! Тут ваши вещи привезли.

Матрос повернулся и ушел.

— Ах, да! Совсем забыла! Надо идти распорядиться...

Молодые люди засуетились.

— Позвольте, Ирма Ивановна, мы все сделаем. Сдадим в трюм. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь...

Вышли гурьбой.

Улыбка гордости и сознания своей красоты проскользнула по лицу Ирмы.

— Как это мы с тобой, Алексей, будем жить дальше? А, моя малютка?

Алеша сосредоточенно ковырял линолеум палубы каюты и, не глядя на мать, быстро ответил:

— Холосо! Осень холосо!

Через три часа транспорт с убегающими от «красной беды» выходил из порта в Уссурийский залив, мимо маяка Скрыдлова, по пути в Шанхай.

Ирма Ивановна сидела в компании молодых людей и барышень, ее знакомых, куря английскую сигарету, и играла в преферанс, начиная бесконечно длинную «пульку».

Алеша сидел на палубе и играл с мохнатым медведем — игрушкой. Колотя его по голове, он восклицал:

— На тебе! На тебе! Ты большевик! Ты класный товались! На тебе!

Савигин, посмеиваясь, говорил:

— Как Алеша мило играет! Ай, да молодец! Ну-ка, еще

раз! Ну-ка, еще!

• • • • • • • • •

В Японском море стало покачивать.

Подул резкий ветер. Небо обвело темными тучами. Многих рвало, а до Шанхая было еще порядочно далеко.

* * *

Через три с половиной дня прибыли в Шанхай.

Ключом кипит жизнь на берегу. Весело снуют взад и вперед по гавани моторные лодки и множество китайских сампунек, на корме которых, с одним веслом, управляется китаянка или китаец. Высокие строения на берегу, шумная набережная, звон рикш, крики и обычный уличный китайский гомон заставляли Ирму Ивановну веселее смотреть на будущее.

«Я здесь устроюсь и буду... Да, что же я буду делать? Ха, вот так штука!...»

Она должна была сознаться, что эта мысль ей впервые пришла в голову. Во Владивостоке она жила на доходы с дома и магазина, а здесь...

Ведь дом и лавка остались там...

«Открою лавку и буду торговать... Или нет, еще этого не хватало... Идти самой в услужение, скажем, конторщицей, приказчицей?... Нет, нет! Эх, да чего там думать! Неужели я пропаду с голоду? Смешно, право смешно! Да и, в конце концов, на первый случай хватит у меня денег: пять тысяч долларов гонконгской валюты!...»

Ирма Ивановна досадливо мотнула головой и подернула плечами. Что за глупые мысли приходят ей в голову! Почему-то ей вспомнились где-то слышанные стихи-романсы...

Спешите жить, спешите жить
И все от жизни брать.

Не все ль равно, не все ль равно —
Придется умирать.

Пока она будет жить у Савигиных, которые наняли в городе целый дом и несколько слуг-китайцев.

Скоро она с Алешей и своим многочисленным багажом катила на автомобиле по пути к Савигиным.

* * *

Весело и радостно было на душе Ирмы Ивановны. Анна Васильевна Савигина часто устраивала вечера, на которых собиралось все эмигрантское общество. Много новых знакомых.

Так продолжалось целых два месяца.

— Море веселья и смеха! — говорил, потирая руки, полу-пьяный Савигин.

Он в последнее время запил.

Эмигрантское общество, которое сначала не принимало в свою среду никого из «нерусских» и с прямым отвращением относилось к китайцам, занималось от безделья сплетнями. Стали считать денежные средства друг друга и посмеиваться над более дальновидными, которые устраивались на службу у своих «милых и неоценимых» союзников — англичан, французов, американцев и японцев.

— Подумайте сами, что за стыд и позор! — говорил, возмущаясь и слегка заикаясь, доктор Шляк. — Сын Марии Дмитриевны поступил к португальцам на службу в качестве охранника судов и совершает еженедельные рейсы из Кантона, этого грязного, вонючего китайского городишко, в жизнеопасное Макао. Это Вовочка, блестящий гвардейский офицер — португальский охранник! Возмутительно! И это в такой героический момент, когда родина нуждается в защитниках! Я этого положительно не могу понять!..

— А вы бы, господин доктор, сами поступили в ряды одной из наших русских армий...

— Я готов! Я рад бы! Да знаете, мой недуг — ревматизм. Если бы не это, я бы...

И тут-то, среди прочих сплетен, мелькнул слух о том, что у Савигиных кончаются средства и они скоро сядут на мель без необходимого для жизни.

Ирма Ивановна все это слышала, но решила не обращать никакого внимания на «эти сплетни». Да и как раздумывать над такими мелочами, когда почти каждый день голова кружится от ликера, коньяку и других напитков!.. С одного вечера на другой. Из одного пьяного утара в новый...

Алеша оставался у китайской старухи-няньки, ухаживавшей за ребенком за пять долларов в месяц. Он часто, когда Ирма Ивановна полупьяная возвращалась домой с какого-нибудь вечера, с укором смотрел на нее своими большими синими детскими глазами. Она же, возбужденная вином и весельем, уходила к себе в комнату, потрепав его по голове.

Чувствовала внутри какую-то пустоту и неудовлетворенность. Боялась думать о будущем. А доллары таяли с каждым днем.

В один из тех редких дней, когда у нее не болела голова от пьянства, обсудив свое положение, она решила искать места учительницы.

«Ведь я хорошо знаю немецкий и французский языки!..»

С того дня эта мысль не давала ей покоя.

Пока же она ничего не делала, питалась отлично, похорошела и поправила свое здоровье. Ее округлые формы тела и яркий румянец лица заставляли многих бросать на нее неравнодушные взгляды. Она и сама чувствовала потребность в любви. Но жила, мечтая увидеть своего мужа. Для него она и сохраняла себя.

— Вы, Ирма Ивановна, — говорил ей неоднократно Савигин, с вожделением поблескивая старческими глазами, — самый настоящий бутон!..

Повторял он это за последнее время очень часто, и жена его, Анна Васильевна, в один прекрасный день устроила ему такую сцену, что дальнейшее пребывание Ирмы Ивановны с сыном в доме Савигиных оказалось уже невозможным. Иначе был бы нарушен тот «хороший тон», кото-

рый здесь повсюду ревностно соблюдался. Вдобавок, получилось известие, что полковник Ксинадоров жив и находится в отрядах Семенова. Об этом сообщалось в местной русской газете «Шанхайские новости».

* * *

Бал в доме князя Собова был в полном разгаре. В легком шелковом платье с богатой вышивкой, сидит Ирма Ивановна за одним из столиков в общей зале дома. Китайские «бои» разносят чай и фрукты. Разговор вертится вокруг всего того, что могло интересовать эмигрантщину. Тут же, на этом многолюдном вечере, устроенным в честь помолвки дочери Собова и молодого Чардлея, сына известного английского банкира, игравшего здесь, на Востоке, большую роль, присутствовали два каких-то сухощавых, высокомерных и крайне молчаливых англичанина, которые на беспрерывные вопросы и попытки втянуть их в общий разговор давали лишь очень однозначные ответы.

Положение многих присутствующих было не из ловких. Большая часть русских не понимала английского языка, на котором, из вежливости, велся разговор.

Ирма Ивановна скучала. Сидеть и слушать малопонятную речь, смотря на апатичные физиономии этих скучных англичан, мало удовольствия...

Она услышала за собой чей-то шепот:

— Ирма Ивановна, хотите, я вас познакомлю с мистером Хайльдом? Он может вам пригодиться...

Обернулась и увидела младшего Савигина. Отчаянная голова. Все время за ней ухаживает, хоть и безуспешно.

— Вы, м-сье Савигин, кажется, взяли на себя труд заботиться о моем благополучии?

— Как же! Поверьте мне, Ирма Ивановна, если бы я был богат и... не такой легкомысленный, я бы... я бы... — он так низко нагнулся над ухом Ирмы Ивановны, что прикоснулся к ее открытой шее, не отрывая от нее глаз.

Она нагнулась ниже и сказала:

— Бросьте говорить глупости! Вы мое положение знаете. Мне нужна работа... Я хочу сама свой хлеб зарабатывать... Поговорите с вашим мистером Хайльдом... А я сумею быть вам благодарной...

Савигин сорвался с места и очень быстро перешел к группе англичан, которая увеличилась еще прибытием одной молодой англичанки и двух не менее скучных джентльменов.

Ирма Ивановна незаметно следила глазами за Савигиным, который что-то шептал на ухо англичанину, указывая глазами на слегка покрасневшую Ирму Ивановну.

«Неосторожен же этот ловелас! — подумала она. — Ведь заметь это кто-нибудь — сплетен не оберешься! И так уже о многих говорят Бог знает что!..»

Мистер Хайльд встает и, не сводя своих рыбьих глаз с Ирмы, движется к ее столу. Молодой Савигин сзади.

Представил ей англичанина.

— Будьте нашим переводчиком! — сказала смущенная Ирма Ивановна, протягивая руку для поцелуя, но... Хайльд не проявил желания поцеловать ее руку и лишь крепко пожал ее.

«Невежа!» — подумала она. Хайльд опустился на свободный рядом стоящий стул, и, при помощи молодого Савигина, начался разговор.

— Для меня будет несказанным удовольствием устроить вас на службу, мисс...

— Я вам уже впредь благодарна. Но какого рода будет работа?

Англичанин со своей характерной невозмутимостью ответил вопросом:

— Какую вы бы пожелали?

Ирма Ивановна была озадачена. Такой постановки вопроса она никак не ожидала.

— Я, мистер Хайльд, еще никогда в жизни не служила, поэтому... — она густо покраснела и смущилась. Лучше бы этого глупого разговора не начинать!

Англичанин, видимо, любовался ею, скользя раздевающим взглядом по ее фигуре.

— Видите ли, мисс Ксинадорова, — начал он медленно, — я думаю, вы могли бы быть великолепной приказчицей в нашем главном магазине на Центральной улице...

Ирма Ивановна вспыхнула, и глаза ее заблестели.

«Это еще что такое? Этот англичанин говорит, что я великолепно подхожу для роли приказчицы! Это я?!»

От взгляда Хайлльда не ускользнула ее вспышка, и он, привстав, сказал с какой-то странной улыбкой на лице:

— Я должен вам пояснить, что здесь, в Шанхае, вы, пожалуй, другую работу вряд ли найдете. Вас, русских, наехало столько, что выбор огромен... Но вы мне понравились, и, вдобавок, узнав от мистера Савигина о вашем критическом положении, я решил вам помочь, предложив то, что у меня есть...

— Мистер Хайлльд, я надеюсь, что вы поймете неприемлемость вашего предложения, которое я принуждена отклонить как несовместимое с понятиями нашего общества...

Англичанин недоуменно посмотрел на похорошевшее от обиды и волнения лицо Ирмы, и тонкая улыбка проскользнула по его лицу.

Она, казалось, говорила Ирме:

«Ничего, милая! Придет время, подрежешь свои крылышки!..»

Весь остаток вечера был испорчен для Ирмы Ивановны. Когда же она вернулась домой и убедилась, что у нее осталось всего семьсот долларов и огромная куча неоплаченных счетов, она поняла, что так дальше продолжать жить нельзя.

Как же быть? Идти к этому англичанину? Или поговорить еще со знакомыми, поискать — может быть, и найдется подходящая работа? Или... выйти замуж?..

А... Мишель? Ведь он, говорят, жив... С другой стороны — не может же она годами жить монахиней, соблюдая невозможное целомудрие. Не может же она дойти до того, что у нее средств не окажется на самое необходимое. Надо и сына одеть и себя поддержать...

Что там Мишель! Он на фронте, и никто не знает, жив ли он...

Мысли прыгали с предмета на предмет.
«Неужели я не устроюсь?»

Лежа на своей широкой, завешенной кружевами кровати, она томно потягивалась, забрасывая упругие руки за голову и любуясь своими белоснежным телом, которое отражалось в зеркале над кроватью. Жарко спать под одеялом. Вид собственного тела возбуждал в ней страсть...

«Ведь я хочу жить, любить и быть любимой... Я еще молода и...»

И, предчувствуя большое и неизмеримое счастье, она заснула...

В последующие дни изменилось многое... Очень многое.

* * *

Из «красной» России вести шли самые неутешительные. Советская власть, или «власть хамов и жидов», как ее звали здешние «просвещенные» эмигрантские круги, — крепла. Фронты кончались. Остались отдельные банды. И началось то, чего никто никогда здесь не ожидал.

Республика Советов стала торговать...

Главное — с Англией и Германией!

Этот вечер был одним из знаменательных в шанхайской колонии. Но политические события были отодвинуты тут же на задний план, когда кто-то принес Савигиным, у которых Ирма Ивановна все еще жила, весьма пикантное и интересное сообщение.

— Вы знаете Тамару Повидонскую? Ее муж занимался крупной торговлей скотом, ну, наша «купчиха»?

— Как же!

— Так она, знаете, открыла «пансион»... С женской прислугой... Шикарное и уютное учреждение...

Потом шепотом:

— Рекомендую зайти. Оригинальная дама. Что? Как же! Там у нее наверху номера, а внизу гостиная. И представьте себе, у нее бывает вся хорошая и приличная публика. Осо-

бенно из концессий: англичане, американцы и французы... Она даже богатых китайцев принимает... Понятно, втихую...

Постепенно выясняется, что у мадам Повидонской «работают» те из дам-эмигранток, которые за это время успели прожиться.

Ирма Ивановна слушала все эти сплетни, и ей становилось все противнее это общество. В погоне за куском хлеба эти люди постепенно опускались все ниже.

— Положим, этого только и можно было ожидать от Повидонской! Фи... Я всегда говорила, что она и ее окружающие *est ne tres bien compagnie...** Дойти до того, чтобы стать посмешищем в глазах всего интеллигентного русского общества!.. Ведь это прямо ужасно!..

Мадам Савигина, как и все замужние дамы эмигрантского общества, была возмущена до глубины души.

А молодой Савигин, незаметно для прочих, записал в свой блокнот адрес «пансиона» Повидонской.

* * *

Ирма Ивановна сидела в своей комнате за столиком и, опустив руки, поочередно смотрела то на кучу пестрых счетов, то на небрежно брошенный и полуоткрытый, зияющий своей пустотой — серебряный ридикюль.

Как она ни хлопотала, сколько ни просила, — место или работу невозможно было найти.

Сегодня она истратила последние доллары, взятые с собой из Владивостока. Она прожила свои пять тысяч долларов за год. И еще влезла в долги...

Что же делать? Савигина намекает, чтобы она уехала. Они совсем обнищали. Он пьет. Места не найти. От мужа известий нет...

Снова явилась мысль о замужестве. Но за кого выйти? Она в уме перебрала всех знакомых мужчин русской коло-

---

* Недостойное общество (*фр.*).

нии и ни на ком не могла остановиться. Все были ей противны.

Алеша подрастает. Скоро нужно будет отдать его в школу. Он стал каким-то дикарем. Она его совсем забросила. Только в последнее время, когда вечера и попойки стали реже, она бывала дома.

Ирма Ивановна встала и тряхнула плечами. Ее серые, таинственные глаза засияли энергией. Надо держаться, не падать духом. Помимо Повидонской, открылись еще два «пансиона» и кафе, куда поступили бедные девушки и даже замужние женщины из колонии. Ведь это же позор! Муж сидит дома или шляется целыми днями по улицам города, а жена в «пансионе»... Что только думают о них иностранцы? А что, если в Советской России эти хамы, «товарищи» и победители, узнают об этом?

Позор! Какая гадость! Так низко опуститься!

Лучше... Да, на днях Наденька Климова отправилась. Покончила с собой. Она не захотела идти в «пансион»... За нее сватался китаец-торговец, но она его видеть не хотела.

Еще бы, за китайца выйти замуж!

Ирма Ивановна встала.

«Напиться бы! Забыть все это! Уйти от всего... Не уехать ли?.. Глупости! Для этого нужны деньги...»

Взгляд ее упал на ридикюль. Блеснула мысль. Она открыла чемоданы и стала выкладывать на стол свои золотые вещи, брошь с бриллиантом, кольцо и медальон.

Быстро уложила в ридикюль. Вышла из дома. Услужливый китаец-рикша подбежал к ней. Села в его коляску и, не глядя по сторонам, поехала по большой и шумной улице в китайский квартал...

* * *

Сидя за медной решеткой, толстый китаец Хао-ту, одетый в черный шелковый балахон, изобразил на своем лице благодатную улыбку, когда Ирма Ивановна, остановив-

вшись у его магазина и расплатившись с рикшой, вошла к нему, не обращая внимания на любопытные взгляды приказчиков-китайцев.

Хао-ту держал мануфактурную лавку и попутно занимался разменом денег. Но он любил золото и прочие драгоценности, в которых он хорошо разбирался. Скупал и перепродаивал. В Ирме Ивановне он сразу почуял хорошего клиента.

Низко кланяясь, Хао-ту провел ее в каморку за лавкой, где усадил на высокий бамбуковый табурет. Долго рассматривал привезенные вещи и, после множества улыбок и поклонов, сказал:

— Триста долларов. Я крайне опечален, что не могу мадам больше предложить, но, из уважения к вам, я даю хорошую сходную цену, которую вам никто в Шанхае, Кантоне и Гонконге не предложит...

Снова улыбки и поклоны.

— Я думаю, что вы в убытке не будете, если вы мне заплатите пятьсот долларов. Это будет и так очень мало.

Хао-ту снова пересматривает одну вещь за другой, вешает их, трет, исследует камни и, улыбаясь, отвечает:

— Я очень сожалею, что не могу усугубить, но больше четырехсот пятидесяти долларов не могу заплатить, иначе я потерплю убыток. Думаю, мадам, что вы не захотите разорить бедного Хао-ту, который...

— Нет! На меньшее я не соглашусь!.. — сердито перебила его Ирма Ивановна и стала собирать вещи.

Китаец этого, очевидно, не желал.

— Я извиняюсь, что рассердил мадам... Пусть же я в наказание буду в убытке. Хорошо, я согласен — пятьсот долларов! Пожалуйста...

Ирма Ивановна была раздосадована.

Она понимала, что ценности стоят гораздо больше. Готова была вырвать свои вещи из рук большеголового китайца. Но тот их старательно укладывал в мешочек из сафьяна и, достав из-под балахона пачку денег, отсчитал пятьсот долларов гонконг-шанхайской валюты.

С глубокими поклонами Хао-ту передал деньги Ирме

Ивановне, и снова приветливая улыбка расплылась на его желто-белом жирном лице.

Через час Ирма Ивановна была дома, накупив массу нужных и ненужных вещей, среди которых немалое место занимал коньяк и ее любимый сорт ликера, от которого ей становилось весело и все забывалось.

Нет, она об этом не должна, не имеет права думать! Ведь ее муж жив. Где-то там, в Сибири или в Монголии, дерется с этими варварами и негодяями...

«Буду ждать. Крепиться. Достану работу и скромно заживу с Алешей».

После долгого затишья вечер, устроенный в комнате Савигиных Ирмой Ивановной, был очень оживленным. Савигины давно уже не устраивали вечеров.

Савигин был болен, лежал, младший сын чем-то торговал, старший сын уехал с какой-то шансонеткой, которая «работала» в «пансионе» и выступала в «Русском кабаре», новом учреждении, привлекавшем каждый вечер веселящихся русских и иностранцев... Вакханалии и оргии. Безобразные и дикие. На сцене вульгарщина и последние осколки бульвара. И старший Савигин «пользовался» средствами этой шансонетки.

Анна Васильевна продавала последнее имущество семьи. Одежда больного мужа пошла в ход, и старуха плакала целями днями.

Старик Савигин поднялся с постели и принимал участие в вечере, устроенном Ирмой Ивановной.

— Господи, господи! — говорила Анна Васильевна за столом, качая поседевшей головой. — Когда и чем все это кончится! Мы, русские, тут все пропадем. Только вы, Ирма Ивановна, еще как-то тянете.

Она часто давала понять, что Ирма Ивановна могла бы им помочь.

— Не говорите, дорогая Анна Васильевна, — откликнулась Ирма Ивановна, — я сегодня тоже снесла все свое золото и камни. Живу надеждами...

— Да, это мы, кажется, делаем все, без исключения, — вставил молодой Савигин. — Говорил я вам, Ирма Иванов-

на, примите предложение мистера Хайльда. Нет. Вы тогда еще рассердились и сочли его предложение за оскорбление. Ведь и это хлеб. Мы с нашим «хорошим тоном» здесь скоро сдохнем с голоду. Смотрите на меня, я стал комиссionером и...

— Хорошо, замолчи, Саша! — перебила его сердито мать. — Много ли ты зарабатываешь? Эти англичане знают, какое дело дать тебе. Подметки рвешь, а зарабатываешь много-много тридцать-сорок долларов. Разве это плата? Вы, Ирма, будьте умницей и попытайтесь счастья. Может быть, и не так уже страшно будет. Ведь не станешь же нищенствовать, в конце концов... Прислушайтесь только, что делается у нас в нашем обществе... Присмотритесь... Слыхано ли это! Наша почтенная княжна Лидия Матвеевна с дочкой, шестнадцатицелтней, вместе сидят ежедневно в кабаре, завлекают мужчин, с которыми проводят ночи... Прямо непостижимо, до чего люди дожили! Себя и шестнадцатицелтнюю дочь продаивать, чтобы не умереть с голоду...

Старуха сокрущенно качала головой.

— Ты бы, матушка, посмотрела на себя, до чего ты дожила, — вставил желчно старик Савигин.

— Не думаешь ли ты, Пьер, что и я когда-нибудь пойду по их стопам? А?

— Все может быть, хотя ты слишком стара для этого. Успехом пользоваться не будешь...

Он захихикал, а с Анной Васильевной начался истерический припадок. Она долго не могла успокоиться. Хорошее настроение у всех пропало, и уют был нарушен.

Тихо и угрюмо разошлись по своим комнатам. Младший Савигин, бросив голодный взгляд на голые плечи Ирмы Ивановны, шепнул ей:

— Я завтра поговорю с мистером Хайльдом... Может быть, он вам место предоставит... Вы согласны, Ирма Ивановна?

Подумав несколько секунд, опустив глаза, ответила твердо и отрывисто:

— Хорошо... Говорите... Скажите, что я к нему приеду... И медленно пошла в свою комнату.

* * *

Уложив Алешу спать и отослав старуху-китаянку на постой, Ирма Ивановна заперла свою комнату на ключ и задумалась... Потом порывисто подошла к шкафу. Вынула бутылку с вином, расставила на столе закуску. Стала пить коньяк и ликер... Рюмка за рюмкой... В голове зашумело. Глаза приняли тот таинственный блеск, от которого мужчины сходили с ума.

Пробовала запеть, но голос одеревенел... Слова путались, и, запнувшись на полуслове, стала пьяно и бессмысленно чему-то улыбаться, пошатываясь на стуле... Налила не рюмку, а стакан... Выпила, опрокинув при этом бутылку, залив скатерть и банку с консервированным ананасом. Пробовала встать, но не могла удержаться на ногах... Снова выпила залпом стакан... Почувствовала пустоту и дрожь во всем теле... Встала и, пошатнувшись, упала на кровать... Старалась подняться... Шептала бессвязные слова...

— Мишель... Миша... Приди ко мне... Я тебя... Я не могу больше... Я тебя хочу... Приди же... Я...

Перед глазами — муж. Охватило желание. Дрожала и забилась на койке. Стала срывать с себя платье... Волосы рассыпались. Вцепилась зубами в подушку... И скрюченными пальцами рвала на себе белье... Хрипела и зубами скрежетала... Разбросав руки и ноги, лежала полуоголая на кровати, заснув беспокойным, пьяным сном...

* * *

Ирма Ивановна проснулась поздно днем и удивилась, увидев окружающий ее хаос. Голову ломило до остервенения. Платье перепачкано. Белье разорвано. На столе беспорядок.

«Что это со мной было?...»

Вспомнила. Стало противно. Хорошо, что двери закрыты! Что, если бы ее увидели? Оделась и убрала следы попойки.

* * *

Час спустя постучалась в дверь Анна Васильевна.

— Можно к вам?

— Да, пожалуйста.

— Милочка, я сейчас получила письмо от своей подруги детства — мадам Стерлетти. Вы, наверное, слыхали о ней? Она москвичка — известная прима-балерина Стерлетти.

— Как? Письмо из Москвы? — заинтересовалась Ирма Ивановна.

— Что вы! Что вы! Какая там Москва! Разве она осталась бы там? Нет! Такая деликатная и образованная особа. Из влиятельных кругов высшего света. Нет! Она сейчас живет в Кантоне. И представьте себе: хочет сюда приехать. Желает познакомиться с нашим местным обществом. Будет жить у нас... У меня... Вот письмо — прочтите сами...

Ирма Ивановна с любопытством развернула письмо и увидела густо сплетенные каракули букв, написанные на на-дущенном листке дрожащей, старческой рукой:

«Гор. Кантон. 16 мая 1924 года.

Многоуважаемая Анна Васильевна!

Услыхав от приезжих, что вы в Шанхае, я была сильно обрадована. Живу здесь в Кантоне и адски скучаю. Никакого общества. Все огрубели и стали цинично-нахальными. Не с кем поговорить. Кажется, и порядочных людей не стало, которые нас, отверженных и опечаленных, поняли бы.

Я от этого общества отмежевываюсь самым категорическим образом. Думаю о Ницце и Париже. Если бы только мой Кока знал, что я здесь, в этом вонючем Кантоне, — он

поспешил бы ко мне на крыльях Амура. Но он, по слухам, где-то в Германии. Ратует за наше правое, священное дело — униженного и оскорбленного в своих лучших чувствах русского народа.

Итак, я надумала приехать к вам. Надеюсь, что не прогоните и не откажетесь принять меня в своем доме. На днях выезжаю. Целую много раз и шлю лучшие приветы, оставаясь

Вашей
Алисой Стерлетти».

— Она, наверное, молода и очень красива? — спросила Ирма Ивановна, в которой проснулось женское любопытство.

— Да, она была красавицей и пользовалась когда-то огромным успехом. Безукоризненный человек... Мужчины в нее влюблялись, носили на руках и осыпали подарками... Князь Глинский заботился о ней. Хотел жениться, но... но... Я теперь уже не помню, что у них там приключилось...

Старуха смутилась, но, вспомнив что-то, заметалась:

— Подумайте только, Ирмочка, что я теперь стану делать! У нас нет денег. Никаких! Надо ее принять, угостить, самим одеться, прибрать дом... И этот негодный мальчишка Александр пропил последнее жалованье с какими-то котками в этом похабном кабаре. Подумайте только! Я в отчаянии! Что делать?! Мы нищие... Опозорены... Стыд!

Анна Васильевна зарыдала, точно у нее умер муж или сын...

Намек был дан слишком ясный.

Ирма Ивановна колебалась. Отдать последние деньги?.. А потом? С другой стороны, она Савигиным обязана... Все эти годы ничего не платила, живя в их доме...

Решительно встала и, открыв ящичек на комоде, вынула оставшиеся деньги. Отсчитала триста долларов. Остальную сотню спрятала.

— Берите, Анна Васильевна, и не печальтесь. Устройте все, как следует, а там что-нибудь изменится к лучшему... Я вам обязана...

Савигина взяла деньги и закивала головой, утирая одной рукой слезы.

— Вы, Ирмочка, добрая душа. Последнее не пожалели... Может быть, и верно, все к лучшему изменится. Только — как же вам быть? У вас ведь долги... Я знаю... Нет, пожалуй, я этой жертвы от вас принять не могу...

— Оставим это, Анна Васильевна! Вывернусь как-нибудь. Буду служить — и все будет хорошо... Берите деньги и ступайте... Приготовляйтесь встречать гостьюю. Спешите, а то, неровен час, нагрянет, и тогда... Подумайте сами, какая может выйти неприятность. Глаз не будешь знать, куда девать от стыда...

* * *

В этот вечер Ирма Ивановна переборола себя, твердо решив поступить на службу. Все равно на какую — лишь бы заработать кусок хлеба и одежду для себя и сына.

«Условностями я сыта не буду. Кредит мой сокращается. Платить по счетам надо, а денег нет... Продать одежду? В чем ходить?.. Тогда положение станет совсем плачевным... Нет, до этого нельзя допустить...»

Долго не могла заснуть. Думала до тех пор, пока голова не заболела. Встала. Прошлась по комнате. Выпила несколько рюмок вина. Стало легче. Мелькнула мысль:

«Где бы достать опий! Забыться бы... Ведь здесь, говорят, можно его достать...»

* * *

Шанхай, как и все большие, полуколониальные китайские города, — центр крупной торговли. Огромные склады товаров, большие фирмы и их многочисленные магазины с большими витринами, высокие каменные постройки, шум-

но бурлящие улицы, китайские повозки и носильщики, скрипящие телеги и быстроногие рикши, — все это образует тот огромный клубок, который приводится в движение властелином и поработителем масс — капиталом. Ни на одну минуту не останавливаясь, вертится этот клубок жизни изо дня в день. Капиталисты-иностранные сосут через такие пункты, как Шанхай, кровь китайского народа.

В центре этого города торговли и царства эксплуатации есть большие конторы-штабы, руководящие распределением всех товаров по необъятной китайской стране, снабжая те места, где можно ожидать большую и лучшую прибыль. Здесь рынок сбыта европейской промышленности.

В один из этих штабов-контор и направилась на следующий день Ирма Ивановна.

Высокий белокаменный дом с колоннами, большим и широким порталом, через который сновали взад и вперед бесконечной вереницей люди, ищущие наживы. Выйдя из рикши, она храбро стала подниматься по лестнице.

— Мистер Хайльд? Второй этаж, пятая дверь налево ...

Клерк побежал дальше.

Китайский «бой» у дверей в ливрее.

— Сейчас доложу.

Ирма Ивановна теперь уже могла говорить более или менее сносно по-английски. Ожидая у двери, она думала: «Я пришла к какому-то англичанину просить места или работы... Чтобы не стать нищенкой или еще чем-нибудь хуже... Нет! Как я с ним буду говорить? А его взгляды... Уйду!»

Повернулась, но дверь открылась, и «бой» выбежал, сообщив, что мистер Хайльд просит войти. Закусив губу и опустив глаза, она вошла в почтительно открытую «боем» дверь кабинета.

Хайльд поднялся и, оглядывая ее своими холодными, рыбьими глазами, крепко пожал руку. Предложил присесть. Внимательно рассмотрев Ирму Ивановну, видимо, остался доволен. Так рассматривают лошадь или корову перед покупкой.

— Так вот, мисс Ксинадорова! Как я вижу, вы передумали. Мое предложение оказалось для вас приемлемым.

Мне об этом уже сообщил мистер Савигин. Желаете служить у нас? Работать?

— Да... — вырвалось у Ирмы Ивановны; у нее перехватывало горло и дрожали руки.

— Великолепно! У меня есть место старшей продавщицы. Работать с девяти утра до семи вечера. Обед наш. Жалованье — сто двадцать долларов в месяц. Согласны?

— Да... — снова потупив глаза, прошептала Ирма.

— Вот вам адрес. Завтра можете прийти работать. У вас дело пойдет. Ваша красивая, скромная наружность привлечет покупателей... Будьте здоровы. «Бой», проводите мисс. Добрый день...

Вышла, пошатываясь, на улицу, все еще держа листок с адресом в руке. Ничего не могла сообразить или понять...

«...Ваша красивая, скромная наружность привлечет...»

Взглянула на вывеску.

«Willks & Compagnie».

Дрянной товар под хорошей и красивой вывеской... Она будет этой вывеской... Надо же обладать таким нахальством, чтобы такую вещь сказать ей, Ирме Ивановне, в лицо. А она? Она же должна ему быть за это благодарной.

Анна Васильевна была рада, когда узнала о получении Ирмой места.

Итак, завтра — торговать...

* * *

Приказчицы-англичанки осмотрели Ирму Ивановну сверху донизу холодными, высокомерно-презрительными глазами, когда она на другое утро, в девять часов, явилась в большой мануфактурный дом «Willks & Compagnie».

Ирма Ивановна была здесь единственной русской. Она нашла заведующего, который ей кратко пояснил ее обязанности:

— Предлагать, хвалить и стараться продать изделия...

Ирма Ивановна к этому времени успела в достаточной степени изучить английский язык и с этой стороны не чувствовала никаких затруднений. Но как она станет расхваливать и навязывать товары незнакомым и глубоко безразличным ей людям, — этого она не могла себе представить. Какое ей дело до этих рубашек, фуфаек, кальсон, платья, носков и пр.?

Через полчаса магазин с его многочисленными отделениями стал наполняться покупателями. Беспрерывно обращались к ней то по одному, то по другому делу, тащили от прилавка к прилавку, справлялись о ценах на различные товары, просили подняться на верхний этаж, требовали вниз, упрашивали показать лучшие сорта, доставить купленный товар на дом и т. д. и т. п.

Она чувствовала себя, как в котле. Незнакомая пока еще с ценами на изделия, традициями торгового дела и обстоятельствами торгового дома «Willks & Compagnie», она часто сбивалась, не могла дать исчерпывающих ответов, бегала к заведующему, и к двенадцати часам, когда наступило время завтрака, должна была сознаться, что устала как собака. Голова болела. Вдобавок, кругом трещали звонки телефонов, стоял громкий говор и шарканье ног...

Крайне скромный завтрак немало удивил ее.

«Неужели люди живут и работают на такой пище?..»

Ее сослуживицы-англичанки бросали на нее насмешливые взгляды и, глядя на ее открытую шею, хихикали, перешептывались. Видела это, но старалась не показывать виду, что замечает. Пыталась заговорить с сухощавой англичанкой, старшей продавщицей чулочно-шерстяного отделения. Но та, видимо, старая дева, посмотрев на нее презрительно-напыщенным взглядом из-под пенсне, демонстративно отвернулась, не ответив на вопрос Ирмы Ивановны. Здесь на нее смотрели как на непрошеное лицо, вторгшееся в чужой дом. Как на *русскую эмигрантку*. О, она еще не знала и не подозревала, какого мнения о русских женщинах были эти чопорные и холодно-скучные англичанки. В дальнейшем она узнала это в достаточной степени. В ней видели не исключение, а такую же искательницу приключений

и интриганку, как и ее соотечественницы, служившие в кабаре, «пансионе» Повидонской и в еще целом ряде вновь открывшихся подобных «предприятий».

* * *

Прошла неделя. Приготовления в доме Савигиных к встрече «великосветской» мадам Стерлетти шли своим чередом. Дом убирали, украшали и старались придать ему уютный вид.

Ирма Ивановна, отправляясь ежедневно на службу, переживала адские муки... Англичанки, уже не стесняясь, смеялись над ней. Говорили полутромко за ее спиной всякие мерзости, а она, боясь быть невежливой и грубой, старалась не обращать на них внимания.

Заведующий указал ей, что ее открытое платье не гармонирует с традициями и добрым именем торгового дома «Willks & Compagnie», и ей пришлось, как и всем прочим, облачиться в закрытое черное платье с высоким воротником, через который выглядывала узкая полоска кружевного воротничка. Эта одежда сделала ее лишь более миловидной, но для нее она была настоящей пыткой.

Сегодня субботний день, и народу в магазине особенно много. Ирму Ивановну зовут в отделение женского белья. Пришел русский эмигрант-покупатель, и продавщицы не могли с ним сговориться. В таких случаях обыкновенно звали ее.

Она поднялась наверх и увидела перед собой человека со смуглым лицом, одетого в потертый серый пиджак и фетровую шляпу. Его костюм имел претензии на элегантность, которая, впрочем, была довольно сомнительной. Увидев ее, он приподнял шляпу и поклонился.

— Я здесь не могу сговориться; прошу дать мне дамских рубашек, а продавщица показывает мне какие-то купальные костюмы...

Он как-то особенно взглянул на Ирму Ивановну; она старалась на эти взгляды не обращать внимания. Продавщица-англичанка ушла к другим покупателям, предоставив ей разделяться с этим русским. Показав ему целый ряд различных рубашек, она убедилась в том, что русский — южанин, обладает хорошим вкусом, но небольшими средствами. Через полчаса он, наконец, выбрал полдюжины рубашек, и она, подозвав боя-китайца, приказала их завернуть. Южанин старался с ней заговорить о посторонних вещах, но она, повернувшись, ушла вниз, на свое место.

Не прошло и десяти минут, как ее позвал к себе заведующий. Немало удивленная, она поспешила к нему в кабинет.

Обыкновенно добродушный и вежливый, англичанин был вне себя.

— Мисс Ксинадорова, знаете ли вы покупателя, которому только что продавали женские рубашки?

Она была смущена. Что бы это предисловие могло означать?

— Нет. Он мне совершенно незнаком, — ответила она твердо, глядя ему в глаза.

— Так. Но... известно ли вам, что он, взяв товар, не заплатил?

— Разве?.. Нет... Я этого... не знаю.

— Это очень печально, мисс Ксинадорова. Вы плохо выполняете свои обязанности. Это очень печально!..

Англичанин что-то недоговаривал. Ирма Ивановна дрожала от волнения.

— Я надеюсь, мистер Браун... Я уверена, что он вернется и заплатит... Просто забыл... Я в этом уверена...

Она сама не была уверена в том, что говорила.

— Знаете, мисс Ксинадорова, только, пожалуйста, не обижайтесь. Я уверен, вполне уверен, что вы вашего земляка здесь у нас в магазине навряд ли когда-либо увидите. Это печально, но это так... За этими приезжими русскими мы всегда в особенности следим... С ними надо быть особенно осторожными...

Увидя перемену в лице Ирмы Ивановны, которая побледнела и готова была заплакать, быстро добавил:

— Понятно, мисс Ксинадорова, есть исключения... бывают исключения, но за большинством из приезжих надо смотреть...

— Я возмешу убытки, — пролепетала она бледными губами.

— Конечно, конечно! Я в этом был уверен. Это у нас так принято. Вы только, мисс Ксинадорова, не волнуйтесь... Идите...

Она вышла, пошатываясь, из кабинета. Это — пощечина! Всему русскому обществу! О, Господи, до чего мы дожили!..

Но жизнь не останавливалась ни на одну минуту. К ней обращались новые покупатели. Надо было проявить всю силу воли, чтобы улыбаться, отвешивать поклоны, быть любезной...

К вечеру о произошедшем знали все служащие магазина, и заглушенному смеху и насмешкам не было конца.

* * *

После этого случая Ирма Ивановна стала всех своих сослуживцев-англичан чуждаться и старалась, помимо служебных разговоров, ни с кем не говорить. Странного «покупателя» женских рубашек она больше не видела, и стоимость их была высчитана у нее из жалованья.

Получив свое первое жалованье, она долго, со всех сторон рассматривала бумажки, и потом тщательно спрятала их в свой ридикюль. Теперь только она вполне поняла, как трудно заработать деньги. Она теперь сократила свой бюджет до минимума и принуждена была отказаться от многоного, к чему привыкла. Должники, до сих пор терпеливо ожидавшие уплаты денег, стали требовательны.

Сумма счетов равнялась пятистам долларов.

Как быть? Ее скромного жалованья едва хватало на жизнь ей и Алеше, со старой нянькой-китаянкой, которую приходилось держать для ребенка...

Прибыла, наконец, и долгожданная мадам Стерлетти.

Вечером, возвращаясь со службы, Ирма Ивановна была встречена у дверей Анной Васильевной, которая, смущаясь и путаясь, прошептала:

— Приехала...

Быстро переодевшись в новое платье, Ирма Ивановна вышла в столовую, где находилась гостья.

— А вот и наша уважаемая Ирма Ивановна, о которой я вам сегодня рассказывала! — рекомендовала Анна Васильевна. — Прошу любить и жаловать — мадам Стерлетти...

Маленькая женщина, напудренная и накрашенная до приторности, с рыжеватыми волосами и сине-серыми, беспокойно бегающими глазами, выражавшими затаенную скорбь, сидела перед ней. Она нервно играла, вертя в пальцах, золотой цепочкой с медальоном, висевшим на ее холеноей, белоснежной шее. Лицо, похожее на лицо куклы, имело претензию на молодость, но носило нескрываемые следы отцветания. Все оно было в тщательно запудренных красных пятнах, которые, очевидно, доставляли своей хозяйке немало хлопот.

Беглым, но испытующим взглядом окинула Ирму Ивановну, на которую она произвела странное впечатление.

— Я рада познакомиться с вами. Мне Анна Васильевна столько хорошего про вас наговорила, что вы в моем представлении являетесь идеальнейшим человеком, с кристаллической душой. А таких людей у нас сейчас осталось так мало. Поэтому-то я крайне рада быть с вами знакома.

Она церемонно протянула Ирме Ивановне свою маленькую пухленькую руку, которую та пожала с крайне смешанными чувствами. В этой Стерлетти было что-то неприятное, во всем чувствовалась искусственность, скрытность, фальшь.

За ужином Стерлетти, не переставая, рассказывала о своих прежних выступлениях на сцене, об успехе, которым она пользовалась, путешествиях по Европе, Азии и Америке, и все это своим приятным, вкрадчивым, полудетским голоском, слегка картавя.

Младший Савигин ухаживал за ней до смешного. Он, казалось, не мог оторвать глаз от ее шеи и рук. Она же ка-

призначала и, смеясь, говорила, что он напоминает ей одного «очень миленького мальчика». Польщенный, он стал ее усиленно угощать и часто подливал в ее стакан вино. Но она не пьяна. Старик Савигин давно ушел в свою комнату. Анна Васильева, чуть не рыдая, ругала большевиков-насильников и жаловалась на своего старшего сына, а Ирма Ивановна, в голове которой чувствовалось легкое кружение, разговаривала то с Алешей, то со Стерлетти, громя англичан, у которых она принуждена служить.

— Я вам сочувствую, милочка, — говорила Стерлетти, фамильярно обращаясь к Ирме Ивановне, — иметь дело с этими англичанами хуже, чем с нашими жидами на родине — в России. Я отчасти рада, что больше не вижу их здесь, в изгнании. Но разве вы не можете себе найти другой службы?

Ирма Ивановна рассказала терпеливо слушавшей ее Стерлетти о всех неприятностях, переживаемых ею на службе.

— А ваш супруг? Где же он?

— Я давно ничего не слышала о нем...

— Кем он был в последнее время?

— Полковником... Я от него писем не получала уже во Владивостоке. Говорили, что он погиб. Потом он снова появился в отряде Семенова, а теперь я и не знаю, где он...

— Полковник Ксинадоров?... Да, фамилия ваша мне очень знакома, но я сейчас не припоминаю, где я ее слышала... Кажется, в Кантоне... Может быть, я и ошибаюсь...

Лицо Стерлетти стало задумчивым. Потом она, казалось, что-то вспомнила, вздрогнула. Это не ускользнуло от внимания Ирмы Ивановны, которая напряженно следила за лицом бывшей звезды балета.

— Вы вспомнили? Да?

— Нет, милочка, я ошибаюсь. Это не он... Совершенно другое лицо... Да, определенно... В Кантоне... Нет, в Гонконге... Знаете, — бросимте этот разговор...

И она стала кокетничать с молодым Савигиным, который в душе проклинал Ирму Ивановну за ее рассказы о своей

жизни и расспросы о пропавшем муже. Но Ирма Ивановна почувствовала, что Стерлетти от нее что-то утаила.

«Может быть, он там, в Кантоне или Гонконге?»

Она была возбуждена этой мыслью и через некоторое время встала, пожелав всем спокойной ночи. Ее никто не задерживал. Придя в свою комнату, легла одетой на кровать.

Найти бы мужа. Увидеть его. Неужели она его больше не увидит? Разве поехать в Кантон и Гонконг? Каким образом? Ведь службы не бросишь...

Она пыталась заснуть, но не могла. Долго лежала с открытыми глазами на кровати, думая о своей прошедшей жизни. Как все изменилось! Прямо непостижимо. Ведь и подумать нельзя было, что она попадет в подобное положение...

Решила почитать: может быть, чтение поможет уснуть...

Вспомнила, что книга осталась наверху, в столовой. Поднялась и пошла по лестнице. Проходя мимо дверей комнаты, в которой поселилась Стерлетти, замедлила шаг и прислушалась. Кто-то тихо перешептывался.

Кто же мог быть в комнате Стерлетти?..

Невольно прислушалась внимательнее.

Неужели? Мило, очень мило... Молодой Савигин...

Ясно доносились звуки поцелуев и заглушенный шепот.

Потом стало тихо, и свет в комнате Стерлетти был потушен.

«Хороша же эта Стерлетти!» — подумала Ирма Ивановна, возвращаясь в свою комнату с книгой. У нее появилось чувство отвращения, которое она всегда в таких случаях испытывала.

* * *

Положение Ирмы Ивановны на службе в английском магазине становилось невыносимым. С ней почти никто не разговаривал. За ее спиной отпускали колючие, как иглы, насмешки, рассказывали пикантные подробности из скандальных историй русской эмигрантницы. В конце концов, Ир-

ма Ивановна, чуть ли не в слезах, пошла к мистеру Брауну и пожаловалась.

Англичанин, хладнокровно передернув плечами, возразил:

— Я в этом отношении ничем не могу вам помочь. Если вам наше общество не нравится, ищите себе другое место... Я вас удерживать не стану...

— Ах, так! Хорошо!..

Ирма Ивановна, возмущенная тоном заведующего, решила дать отпор англичанам. Во время завтрака она снова за своей спиной услышала затаенный смешок двух молодых продавщиц и намеки на то, что «наша русская княжна — нищенка, наверное, и по вечерам тоже хороша». Она резко обернулась и со злобно сверкающими глазами попросила «этых нахальства раз навсегда прекратить».

Результат был неожиданный.

Вначале все англичанки замолчали, испуганно глядя на нее. Но потом злобно накинулись, требуя, чтобы она здесь не разыгрывала барыню, недотрогу, даму высшего света. Пусть она не забудет, что *ее терпят* в своей среде честные английские девушки и замужние женщины.

Приказчики-англичане с интересом наблюдали за возбужденными женщинами, пока не пришла старшая продавщица верхнего этажа, старая дева-англичанка, и не попросила прекратить шум, иначе она доложит мистеру Брауну.

Когда вечером, в этот же день, Ирма Ивановна говорила о происшедшем мадам Стерлетти, которая имела удивительно утомленный вид и бросала томные взгляды на молодого Савигина, та предложила ей поехать с ней в Кантон, где она может получить место в торговом предприятии или же в немецком госпитале в качестве сестры милосердия.

— Пока же вы, милочка, не найдете себе места или работы, можете жить в моем доме и быть моей компаньонкой. Не правда ли, хорошо?

— А Алеша? Как мне оставить его одного...

— Пока оставьте его здесь, у Анны Васильевны, а когда устроитесь, можно будет и его привезти в Кантон. У нас, знаете ли, в городе гораздо меньше европейцев, в особен-

ности женщин, чем здесь... И эмигрантов меньше... Подумайте и решайте...

Стерлетти, видимо, была гораздо больше заинтересована поездкой Ирмы Ивановны в Кантон, чем показывала вид. Младший же Савигин, казалось, был этим предложением совершенно расстроен.

Он даже попытался отговорить Ирму Ивановну.

— Подумайте, как Алеша будет скучать без вас. Мамаша не в состоянии заменить ему вас. Ребенок может пропасть. Вы и так его слишком много доверяете этой китаянке...

— Если вы думаете, что вам там будет легче и лучше, — поезжайте, — отозвалась Анна Васильевна. — Я не знаю, что вам посоветовать. За Алешей я пока посмотрю. Это для меня трудности не составляет.

Вопрос был решен.

Ирма Ивановна решила принять предложение Стерлетти и поехать с ней в Кантон, как она говорила: «Искать свое счастье». Она тайно надеялась узнать что-нибудь о своем муже... Стерлетти от нее что-то скрыла. Это она инстинктивно чувствовала.

* * *

Мистер Браун был немало удивлен, как и англичанки, служащие магазина, когда на другое утро Ирма Ивановна потребовала себе расчет. Но никто не думал уговаривать ее оставаться служить.

Получив причитающиеся ей деньги, она с гордо поднятой головой, окидывая продавщиц презрительно-насмешливым взглядом, вышла на улицу, вздохнув полной грудью.

Она была свободна...

* * *

Вся эмигрантщина была всполошена. И не зря.
Англия признала Советскую Россию!

Прямо непостижимо! Кучка бандитов, развалившееся государство, управляемое евреями, запущенное, разоренное, голодное, гонимое всеми — и вдруг... признание де-юре! Толки шли самые разнообразные, но большинство решило, что теперь англичане эту ненавистную власть сломят капиталом... Радовались. Ехидничали, главным образом, русские эмигранты. Хотя никто из них англичан не любил. Успели раскусить своих культурных «благодетелей». Почувствовали их руку на своей шее.

Стерлетти и Ирма Ивановна собирались в путь и, попрощавшись с Савигиными, перешли на большой японский транспорт «Sukasa-Maru», который должен был доставить их в Гонконг; оттуда они доберутся в Кантон. Ирма Ивановна долго, с болью в сердце, целовала Алешу. Молодой Савигин хлопотал по отправке их багажа и имел продолжительную секретную беседу со Стерлетти, результатами которой он остался, видимо, вполне доволен.

Сидя со Стерлетти в большой двухместной каюте 2-го класса, Ирма Ивановна почувствовала какую-то внутреннюю тревогу, причины которой она сама не могла объяснить.

«Что же это со мной? Чего я боюсь? Ведь, кажется, все идет к лучшему?..»

Но она сама не верила в это. В угнетенном состоянии покинула Шанхай. Следующее утро застало их в Южно-Китайском море.

* * *

Гонконг. Гавань запруженна судами. Взад и вперед снуют катера и китайские сампуньки. Кругом живописные горы, на берегу материка и на острове Гонконг. Город Виктория возвышается террасами по склону крутой горы, и через бинокль можно видеть оживленное движение на набережной.

«Sukasa-Maru» становится на бочку в середине гавани. На катерах производится высадка многочисленных пассажиров.

Стерлетти и Ирма Ивановна, переехав на берег, сели на рикши, которые их доставили в «Alexandra-Café», находящееся недалеко от набережной и считающееся лучшим кафе-рестораном города. Струнный оркестр и избранная публика. Великолепные кушанья. Сели обедать.

После обеда они уже сидели на английском пассажирском пароходе местного сообщения, который по реке Шу-Киант доставил их через несколько часов в Кантон.

Надо побывать в Кантоне, чтобы представить себе этот специфически китайский город. В центре — грязно-желтые воды Жемчужной реки, около которой, слева, занимают огромное пространство кварталы китайских купцов — Сей-Ку-Ань. Справа Шаминь и концессии иностранцев. Высокие, чисто европейские модные каменные постройки рядом с небольшими домами китайцев, завешанными сверху донизу иероглифическими вывесками. Огромные окна и сотни тысяч китайских лавок. На пыльных вымощенных улицах тысячи рикш, неустанно бегающих, позванивая звонками. Автомобили, грузовые и легковые, рядом с допотопными, громаднейших размеров, деревянными тачками, передвигамыми со страшным скрипом и нагруженными доверху товарами, подталкиваемыми обливающимися потом китайскими кули. Жара неимоверная. Кругом беднота и убогость. А в узких, темных переулках — вонючие, грязные китайские кухни, отпускающие за несколько кэш обеды, съедаемые здесь же на улице китайцами при помощи традиционных деревянных палочек. Крики торговцев, ругань прохожих и кули, гомон, громкий разговор, шум рикш и автомобилей, — все сливается в одно целое и характеризирует собой жизнь Кантона.

Но Кантон — город непростой. Он — центр китайской революции и борьбы за освобождение Китая от грабителей-иностранцев. Здесь сосредоточена передовая часть китайского народа, стремящегося освободиться от ига англичан, французов, американцев и японцев.

И тут, в квартале Шаминь, на одной из больших европейских улиц, среди прочих больших, узких и красивых зданий, находился дом Стерлетти, в котором Ирма Ивановна теперь поселилась. При входе в него, ей невольно бросилось в глаза одно обстоятельство, о котором гостеприимная хозяйка до сего времени не обмолвилась ни единим словом.

Нижний этаж дома вмещал в себе большой зал, уставленный плетеными стульями и столиками. Большие пальмовые растения стояли между ними.

Теперь только у Ирмы Ивановны возникла новая мысль, которая ей раньше не приходила в голову.

«Чем же живет эта Стерлетти? На какие средства? Или она имеет какие-нибудь капиталы? Странно... К чему же тогда эта обстановка захудалого кафе? Может быть, она устраивает вечера?»

Стерлетти сама поспешила ей рассказать назначение зала и мебели.

— Вы, милочка, не будьте удивлены, если я вам сообщу, что у меня здесь часто, почти ежедневно, собирается по вечерам веселая компания... Знакомые из нашей колонии... Приходят иностранцы... Бывает очень весело... Я вас не стану насиливать бывать на всех этих пирушках, но если вы сами пожелаете, пожалуйста...

Ирма Ивановна была крайне смущена. Что же это за собрания, вечера или пирушки?.. Может быть... Нет, этого не может быть... Тогда Анна Васильевна, наверное, не пустила бы ее сюда. Неужели Стерлетти занимается такими же делами, как в Шанхае известная Повидонская?..

После обеда она увидела, как привезли ящики с пивом и вином, которыми была заставлена большая комната около зала.

«Точь-в-точь, как в хорошем трактире», — подумала Ирма Ивановна, решив приглядеться ко всему, что здесь будет происходить.

Вечером, после ужина, Стерлетти уговорила ее лечь спать, чтобы «отдохнуть с дороги».

— А я немного побуду с гостями...

Ирма Ивановна быстро заснула. Ночью проснулась от какого-то шума, доносящегося из нижнего этажа. Пьяные голоса, площадная ругань, звон стаканов и бокалов, смешавшись с успокаивающими выкриками Стерлетти, сплетались в одно безобразное целое. Протерев глаза, она прислушалась... Да, не могло быть сомнения...

«Куда я попала? К чему меня эта Стерлетти затащила сюда?...»

Шум скоро утих. Послышались шаги нескольких людей, поднимавшихся по каменной лестнице в верхний этаж. Пьяный женский голос, не переставая, лепетал:

— Целуй... Ну, целуй же... Ну... Еще ломается... Не хочет... Эх ты, сволочь!..

Потом стало совершенно тихо...

Стерлетти ходила рядом по своей комнате. Ирма Ивановна взглянула на часы. Пять часов утра... Снова заснула...

* * *

Наняв рикшу, Ирма Ивановна поехала через весь город в немецкий госпиталь, где она нашла заведующего, толстого и почтенного профессора-немца. Он принял ее очень любезно и усадил в глубокое кресло, покрытое кожей.

Представившись, Ирма Ивановна на немецком языке объяснила профессору причину своего прихода.

— Я буду работать по мере своих сил и умения. В войну тысяча девяносто четырнадцатого года я занималась на курсах сестер милосердия и малое время работала в лазарете...

Немец выслушал ее внимательно и потом, много раз извиняясь, сообщил ей, что мест и вакансий в настоящее время нет, так как штаты служащих госпиталя крайне ограничены. Но он просит ее не отказать в любезности оставить свой адрес. Может быть, освободится место, и тогда он ее с удовольствием примет в услужение.

— Скоро ли это может быть?..

Этого он, к сожалению, сказать не может...

Предупредительно записал адрес Ирмы Ивановны, вернее, дома Стерлетти, и тут же, поверх очков, испытующе посмотрел на нее сверху донизу. Его лицо стало серьезным.

— Будет лучше, мадам, если вы не будете надеяться на получение места в моем госпитале, так как навряд ли в скромом времени освободится вакансия для вас... Честь имею кланяться.

Руки не подал и проводил удивленную Ирму Ивановну до большой лестницы, ведущей на улицу.

«Что же это могло означать? Сперва — надейтесь, оставьте свой адрес, а потом, вдруг — не надейтесь, навряд ли и т. д. ...»

Сухой, официальный тон, удивленный взгляд и быстрое прекращение разговора. Чудно! Очень чудно!.. Мысль:

«В этом виноват адрес дома Стерлетти».

Слышанные ночью шум и ругань, странный зал, «гости», большое количество вина и удивление профессора-немца, не пожелавшего принять ее даже в будущем сестрой милосердия в госпиталь...

«Значит, Стерлетти делает дела весьма и весьма неблаговидные... Пользуется довольно неважной репутацией...»

Ирма Ивановна была смущена и озадачена этим открытием. Денег у нее нет. Пришлось кое-что из одежды продать, чтобы поехать в Кантон. Службы нет. Знакомых никого, кроме этой Стерлетти. Приходится жить в этом притоне. Алеше она оставила мало денег. Кредиторы найдут ее и в Кантоне.

Положение казалось безвыходным.

«Хоть бы достать денег на обратный путь в Шанхай...»

Задумавшись, она подошла к свободному рикше и сказала по-русски:

— Сvezите меня в Шаминь, на улицу Коррера...

Лицо китайца-рикши расплылось в недоумевающую улыбку. Он ничего не понял. Ирме Ивановне стало самой смешно. К ней подошел неизвестный молодой человек-европеец, который, по-видимому, слышал ее обращение к рикше; приподняв шляпу, он заговорил на чистом русском языке:

— Вы, наверное, не говорите по-английски, а у нас здесь, в Кантоне, рикши говорят и понимают лишь английскую речь. Разрешите, я для вас найму извозчика?..

Ирма Ивановна с удивлением взглянула на непрошенного кавалера. Его манера говорить имела что-то привлекающее.

— Нет, спасибо. Очень благодарна. Я умею говорить по-английски и только задумавшись, по рассеянности, обратилась к рикше по-русски.

— Бывает, — сказал молодой человек, улыбаясь, — я в первое время тоже часто сбивался, пока не освоился с английским языком. Вы, наверное, недавно из России?

— Нет, я недавно в Кантоне. Приехала из Шанхая...

— Ага! У меня там брат... Он скоро должен приехать сюда... Может быть, вы его знаете? Хотя, навряд ли... Позвольте представиться — Пермидов, Константин Павлович, бывший присяжный поверенный.

— Очень рада познакомиться. Ирма Ивановна Ксинадорова.

Молодой человек был немного смущен.

— Ваша фамилия, если я не ошибся — Ксинадорова?

— Да, — ответила, испуганно глядя на него, Ирма Ивановна. — Почему вы это спрашиваете? Может быть, вы ее раньше где-нибудь слыхали?

— Как вам сказать: и да, и нет. Но я думаю, что то, что я слыхал, не имеет никакого отношения ни к вам, ни к вашему семейству. Впрочем...

Он, видимо, старался перевести разговор на другую тему. Но Ирма Ивановна хотела во что бы то ни стало узнать все. Может быть, какие-нибудь известия о ее муже?

— Куда вы думали поехать?

— Домой! К своей знакомой... — добавила она быстро.

— Можно узнать, где вы живете? — осведомился молодой человек, идя рядом с ней по улице...

— Пожалуйста...

Она назвала адрес Стерлетти.

Какая-то мимолетная улыбка скользнула по лицу спутника, которую она успела заметить.

«Неужели весь город знает эту Стерлетти?...»

Она пожалела, что назвала свою фамилию и адрес Стерлетти.

— Вы спешите?

— Нет... — ответила Ирма Ивановна и спросила: — А вы?

— Пока у меня немного времени есть... Может быть, мы с вами зайдем выпить кофе?

— Пожалуйста.

Ирма Ивановна надеялась узнать что-нибудь о своем муже, Стерлетти и жизни местной эмиграции.

Они сели на рикшу и поехали в ближайшее европейское кафе. Заняв место у столика в углу, она стала его расспрашивать о местной жизни.

— Я здесь совершенно не знакома с местной жизнью и надеюсь найти работу...

Пермидов махнул лишь рукой и отрицательно покачал головой.

— И не думайте! И не надейтесь! Вы знаете, чем занимаются здесь наши женщины? Нет? Так узнаете...

Он хотел еще что-то сказать, но, улыбнувшись, замолчал.

Ирма Ивановна уже догадывалась...

— Я думаю, что вы сами успели убедиться в том, что наша жизнь здесь является ничем иным, как клубком пьянства, разврата, жульничества, мошенничества, самообмана и закапывания друг друга. Я далек от того, чтобы сочувствовать большевикам, но позвольте вам сказать, что если большевики узнают о нашей жизни здесь, — они могут спокойнейшим образом указать на нас всему русскому народу, говоря: «Смотрите, эти люди хотели вас осчастливить, восстановить Россию, спасти ее от рук большевиков и установить твердые государственные устои». Это, знаете, Ирма Ивановна, смешно и глупо. Мы сами подобны трупу в последней стадии гниения — и собираемся повести за собой проснувшийся русский народ...

Пермидов снял шляпу и платком обтер пот с лица, безнадежно махнув рукой.

— А кто, спрашивается, в этом виноват? Сами... Винить некого... нам не надо было убегать из России. Но ведь мы считали себя господами! Да, хороши господа, нечего сказать!..

Он сокрушенно замолчал.

— У вас здесь, в Кантоне, дела не лучше обстоят, чем у нас, в Шанхае, — сказала Ирма Ивановна, размешивая ложкой сахар в стакане кофе.

— Если еще не хуже!..

Вдруг Ирме Ивановне пришла в голову мысль:

— Скажите, пожалуйста, господин Пермидов, знаете ли вы мадам Стерлетти?

Пермидов взглянул на нее крайне удивленно.

— Позвольте. Вы, кажется, живете у нее, а меня спрашиваете?

— Да, это верно. Но я очень мало времени с ней знакома. Чем она занимается?

— Разве вы и этого не знаете?

Пермидов взглянул на нее недоверчиво.

— Нет.

— Ага! Вот как! Тогда я и не удивляюсь вашим расспросам. Она держит известное здесь кафе «Максим». У нее бывают девушки, устраиваются попойки, часто происходят дебоши... В общем — она держит, как здесь принято выражаться, «пансион». Меня удивляет, что вы ничего об этом не знаете, живя в этом доме...

Ирма Ивановна всплеснула руками.

«И в этом доме она живет!»

— Но ведь я там живу всего лишь один день!..

— Думаете там остаться?

— Нет!.. О, Господи, что же мне делать?

Слезы подступили к горлу, лицо запыпало, она чуть не заплакала.

Пермидов наблюдал за ней и о чем-то размышлял.

Положение Ирмы Ивановны было невеселое. Столько времени держалась и храбрилась, чтобы не затянуло в эту тину грязи и гнили, а теперь попала каким-то странным образом в самую гущу...

— Уезжайте, — рекомендовал Пермидов.

— На какие средства? Как достать денег?

— Мне вас жаль! Поверьте. Но помочь не могу, так как сам крайне ограничен в средствах. Ведь вы знаете наше положение. Но если вы это не сочтете за вольность, позволю себе предложить мою квартиру. Я одинок. Живу один. Служу комиссионером одной английской фирмы. Так вот. Если желаете — пожалуйста. Комнат хватит... Вот вам мой адрес...

Ирма Ивановна взглянула удивленными глазами на Пермидова. Ею овладели смешанные чувства. Как понять это предложение?

Взяла листок из его блокнота с адресом и спрятала в свой ридикюль.

— Мы не знакомы, и вы, господин Пермидов, рискуете мне сделать подобное предложение?

Он предупредительно перебил ее:

— И с самым лучшим намерением, чтобы избавить вас от массы неприятных сцен, минут и двусмысленных положений. Будьте в этом уверены. Итак — в каждое время дня и ночи — милости прошу. А там — ваши дела поправятся, и мы с вами простимся... Пока будьте здоровы...

Он уплатил за кофе, отвесил глубокий поклон и вышел из кофейной.

Ирма Ивановна еще с четверть часа сидела над своим стаканом кофе в глубоком раздумье. Ничего путного не могла придумать. Выйдя из кофейной, она взяла рикшу и вела везти себя к дому Стерлетти.

* * *

— Милочка! Где же вы пропадали?!

Стерлетти казалась крайне взволнованной и недовольной долгим отсутствием Ирмы.

— Я вас жду и жду! Обед остыл! Стала беспокоиться. Прямо не знала, что и думать... Ведь здесь, среди этих китай-

цев, всякое может случиться...

Ташала ее за собой в столовую, чисто вымытую, очевидно, после ночных событий.

— Я сейчас! Одну минуту! Будем обедать...

Выбежав в коридор, велела слуге-китайцу подать обед. После того, что Ирма Ивановна слышала о ней, она стала ей противна. Производила впечатление змеи — холодной, фальшивой и гадкой.

«Посмотрю, что будет дальше...»

Но Стерлетти, вбежав обратно в комнату, обняла ее фамильярно за плечи и спросила:

— Вы, милочка, сегодня ночью не были разбужены моими гостями? Нет? Я так боялась этого. Просила их быть потише. Перепились... Ох, была потеха!.. Веселились до самого утра...

Платок, лежавший у нее вокруг шеи, свалился, обнажив ключицу с большим предательским сине-красным пятном подтека...

Стерлетти быстро поправила платок и испуганно взглянула на свою гостью, стараясь узнать по глазам, заметила ли та что-нибудь.

Ирма Ивановна сделала вид, что ничего не видела.

Узнав о неудаче Ирмы в госпитале, она казалась очень довольной, хотя на словах и выражала свое сожаление. Тонкая улыбочка, мелькнувшая при этом на губах Стерлетти, не могла ускользнуть от внимания Ирмы. И эта мимолетная, скрытая улыбка решила дальнейшее поведение Ирмы Ивановны. Она поняла, для чего Стерлетти затащила ее в Кантон.

«Бежать, скорее, куда угодно и без оглядки... Надо искать повода уехать из этого дома, пока не поздно. Стерлетти права, когда говорила, что здесь, в Кантоне, может всякое с ней случиться...»

Беспокойным сном спала в эту ночь Ирма Ивановна. Хотя внизу, в зале, было тихо, и только граммофон уже в десятый раз играл надоедливый фокстрот и танго, ею овладевало какое-то беспокойство. Но, в конце концов, она все-таки крепко уснула.

Была разбужена громким стуком в дверь своей комнаты. Кто-то обоими кулаками барабанил в дверь.

— Кто там?

— Открой... Слышишь, открой... А то вышибу дверь... Эх, ты... Я тебе покажу, как это меня обманывать... Разобью всю морду твою...

Ирма Ивановна тряслась, как в лихорадке, и, стоя в одной рубашке, не знала что делать. Не откликалась. Пьяный за дверью не успокаивался.

— Значит, не откроешь... Ладно! Я с тобой сумею расправиться... Проклятая! Зараза! Сумею я с тобой, старая рулядь, рассчитаться...

И с грохотом в наружные двери полетела бутылка, разбившись вдребезги... А потом... Голос, — она своим ушам не верила: голос молодого Савигина.

— Брось, Жорж, эту старую консервную банку расстраивать... Ну их всех... Мы пойдем с Надькой-советницей и Маруськой-акушеркой... Пусть гниет по-прежнему и сдохнет со своими поцелуями и лаской...

Как попал сюда молодой Савигин и что он здесь делает?..

Слышно было, как пьяные спускались вниз по лестнице, где вскоре послышался звон стекла, пение, говор; потом все затихло. Через минуту снова, разом, гул голосов, душераздирающие женские крики и плач...

Пискливый, пьяный, истерический голос кричал:

— Сволочи! Коты! Что вы со мной сделали? Господи, они меня зарезали... Нет, я отомщу! Не уйдете! Я...

Снова все смолкло. Ни звука. Казалось, все покинули дом.

Ирма Ивановна быстро оделась. Ее руки тряслись, как в лихорадке. Сердце колотилось молоточками. Стала быстро складывать в чемоданы свои немногочисленные вещи. Прислушалась. Тихо. Ни малейшего шума. Где же Стерлетти?

Разные тревожные мысли лезли в голову.

Собрав вещи, приоткрыла дверь. Выглянула. Никого. Только осколки разбитой бутылки около дверей. На улице светло, хотя еще рано. Обождала немного, потом, схватив свои чемоданы, вышла на лестницу.

Постояла. Прислушалась. Тихо по-прежнему. Спустилась вниз... Взглянула в залу-столовую. На кресле, с задранной выше колен юбкой, сидит Стерлетти и, очевидно, спит. На полу разбросана мебель, осколки бутылек и битой посуды. Сизый табачный дым стелется по комнате. В стеклянной двери балкона выбито большое стекло...

Хотела прошмыгнуть мимо, но Стерлетти повернула голову и тупо, пьяными глазами, посмотрела на нее:

— Ми-ло-чка. Выспалась?! Деньги он тебе заплатил?.. Ну и пусть он... Иди! Я тебя... А где мой Кока?.. А?.. Не видела?.. Бедный Котик...

Она подняла руку, на которой сверкал большой синяк, и бессвязно бормотала площадные ругательства...

Ирме Ивановне стало не по себе. И эта Стерлетти когда-то была известной артисткой, принятой в высшем свете!..

Она поспешила выйти на улицу. Слова ругани висели в ее ушах. Вспомнила, что забыла на столе платок. «Нет, не пойду обратно! Ни за что! Пусть останется...»

Наняв рикшу и уложив свои чемоданы, она назвала адрес... Пермидова.

«Пусть будет что будет!..»

* * *

Серое трехэтажное здание. Железные, решетчатые двери. Позвонила. Никто не открывает. Вторично позвонила. Кто-то спускается по крутой лестнице. Голос Пермидова спрашивает по-английски:

— Кто здесь?

— Я... Ксинадорова... Можно?

Двери открылись, и появилось улыбающееся лицо Пермидова.

— Прошу! Позвольте...

Увидел чемоданы. Схватил их и потащил наверх. Она идет следом.

— Надумали приехать? Молодец... Наверное, стало не-втерпеж... Ничего, у меня такого общества не бывает... Заживем...

Заняла приветливую, светлую комнату.

Пермидов ей казался очень симпатичным.

* * *

Вот уже две недели, как Ирма Ивановна жила у Пермидова. Каждый день ходила искать места или работы, но ничего найти не могла. Отказ за отказом. Англичане и слышать не хотели. Было достаточно китайских приказчиков и служащих, которые за малую плату работали аккуратно и усердно.

Получила письмо от Стерлетти, которая неведомыми путями успела узнать ее адрес.

«Милочка!

Вы так поспешно убежали от меня, что я до сих пор не могу опомниться и прийти в себя. Вас обидели? Оскорбили? Может быть, вы подвергались какой-либо опасности? Я в недоумении.

Откровенно говоря, я не знала и не думала, что вам нужен друг сердца, которого вы себе сумели так быстро и ловко найти у нас здесь, в Кантоне. Вы бы мне об этом шепнули пару слов, и мы быстро скомбинировали бы что-либо подходящее и выгодное. А Пермидов? Может быть, он идеальный человек, с кристальной душой, но славится как отчаяннейший пьяница. Это известно всем. Он вам, наверное, Бог весть что наговорил про меня? А вы поверили. Впрочем, будьте счастливы с вашим так называемым мужем... Может быть,

он будет лучше вашего первого, которого вы сумели бросить... И поделом... Он это заслужил.

Если же с Пермидовым не уживетесь, пожалуйте в мой дом. Вам там всегда место и подруга найдется в лице известной вам и уважающей вас

Стерлетти».

Невиданное и неслыханное нахальство! Писать ей такие вещи. Грязь, везде и кругом грязь. Но что бы это могло означать: «Может быть, он будет лучше вашего первого, которого вы сумели бросить... И поделом... Он это заслужил». Стерлетти слыхала что-нибудь о ее муже, видела или знает его?

Ирма Ивановна была готова идти к ней. Но Пермидов удержал ее.

— Бросьте вы это! Не обращайте внимания! Эта женщина только для того и писала, чтобы вы к ней пришли... Разве вы не видите, как она пытает злобой?

— Почему? Какая у нее причина для злобы?

— Ох-хо-хо-хо! — засмеялся бывший адвокат. — Вы, Ирма Ивановна, изредка бываете замечательно недальновидной. Поверьте мне, что она имела вас в виду еще в Шанхае, как лакомый кусочек для посетителей своего кафе «Максим». Знаете, по нужде задолжали бы ей, она стала бы требовать с вас... У вас не было бы чем платить... Ну и пошли бы по дорожке, по которой до вас пошли многие эмигрантки... Недавно у нее еще была княжна Чашвили. Молодая красивая южанка. Обещала она ей дать денег для лечения старой княгини-матери. И что же вы думаете? Кукиш показала! Спуталась княжна с каким-то сутенером, спилась, потом, придя немного в себя, пытаясь отравиться, но неудачно. И в один прекрасный день застрелила своего любовника и скрылась. Вот вам типичная история из жизни нашей эмиграции, которая произошла на моих глазах... А вы, такая симпатичная, красивая, настоящий ангелочек...

Пермидов был, видимо, неравнодушен к ней, поглядывал на нее глазами влюбленного, говорил комплименты,

восхищался ее красотой, вздыхал. Бросал двусмысленные взгляды.

Ирма Ивановна замечала это, но ничего не говорила. Она поймала себя на том, что сама любовалась его мужественным, хотя и далеко уже не свежим лицом. У нее все чаще, по вечерам, являлось желание видеть его у себя, рядом с собой. Она хмурилась при его комплиментах, но сказать что-нибудь, дать отпор не находила сил.

Через его знакомых она узнала, что молодой Савигин стал любовником Стерлетти. Он приехал из Шанхая, и она не ошиблась, узнав его голос ночью около своих дверей, в доме Стерлетти.

* * *

Прошла неделя. В положении Ирмы Ивановны ничего не изменилось. Узнав о существовании Алеши, Пермидов предложил ей в долг пятьдесят долларов, которые она могла бы послать Анне Васильевне на содержание сына и старой китаянки... Нерешительно, путаясь и краснея, она взяла деньги и почтой послала их в Шанхай.

А на следующий день Пермидов явился домой ранее обычного, с массой покупок. Он сиял и был в самом радостном настроении.

— Ирма Ивановна! Душечка! Рад! Вот — как рад! Не зря старался и бегал. Получил ряд крупных заказов для своей фирмы, на общую сумму в сто семьдесят пять тысяч долларов! Такое дело надо отпраздновать!

Слуга-китаец, который приходил ежедневно убирать дом и выполнял прочие работы по хозяйству, был немедленно послан в ресторан за ужином; Пермидов сам составил меню. Потом он, с помощью Ирмы Ивановны, стал распаковывать покупки. Велико было ее удивление, когда она увидела дорогое, модное платье сине-лазурного цвета в одном из пакетов.

Пермидов смеялся от удовольствия, потирая руки.

— Это для вас, душечка! Иду я и думаю: надо же мне обрадовать чем-нибудь свою гостью! Зашел в магазин и купил. Надеюсь, что не откажетесь принять мое скромное подношение вашей красоте, в знак глубокого уважения и... — он не договорил и только глубоко вздохнул.

Ирма Ивановна совершенно растерялась. Покраснела до ушей, прошептала:

— Ну, к чему это? За что?.. Нет, этого я от вас не могу принять...

Пермидов и слушать не хотел. Замахал головой и упрямом твердил:

— Нет, нет! Сейчас же пойдите в свою комнату и наденьте. Я все равно растратил бы деньги... Ничего и слышать не хочу!.. Вы у меня — как хозяйка...

Ирма Ивановна последнее время действительно смотрела за всем домом и небольшим хозяйством, желая хоть чем-нибудь высказать свою благодарность Пермидову. Взяв плащ, она ушла к себе в комнату одеваться. Ее красивая фигура и миловидное лицо еще более выигрывали в новом плаще. Пермидов восторженно встретил ее.

— Да вы, душечка, не знаете, какая вы красавица! Я готов...

— Бросьте вы это... Лучше расставьте на столе посуду, а я пойду распоряжусь насчет чая, — отстринила она его, улыбаясь, когда он пытался ее обнять.

Она хотела снять плащ, но Пермидов запротестовал.

— Дайте хоть сегодня немножко полюбоваться на вас!..

— Смотрите, Константин Павлович, не влюбитесь в меня...

— Да, что там говорить! Поздно! Я уже вот — по уши... Не знаю, как и быть...

Ирма Ивановна засияла смехом. Давно она так искренне не смеялась.

— Нашли в кого! Вам надо богатую, с деньгами... А у меня только долги и сын. Насмешили!..

— Ай, ай, ай! Какой вы можете быть веселой! Первый раз слышу. Как жаворонок!..

Он вдруг сделал серьезное лицо.

— Слыхали ли новость: сюда прибыл русский советский

консул.

— Да что вы? А наш старый?

— Ликвидируется!

— К кому же мы будем обращаться?

Пермидов вздернул плечами.

— К кому хотите! Хотя бы к самому Сун-Ят-Сену.

— Но ведь это прямо немыслимо. Неужели нам придется перейти в советское гражданство?

— Обождите! Как нас еще примут!

— А мы и не пойдем к ним.

— Да и навряд ли нас будут просить об этом...

Ирма Ивановна задумчиво покачала головой. Как времена изменяются!

— Я — советская гражданка? Меня будут все называть «товарищем», и я принуждена буду якшаться со всякими, может быть, стать большевичкой, варваркой... Нет! Никогда этого не будет.

Энергично тряхнув головой, она принялась сервировать стол к ужину...

Ирма Ивановна не предполагала, что у Пермидова в доме имеется граммофон. Правда, он был извлечен Пермидовым из глухого угла кладовой, находящейся в верхнем этаже, куда Ирма Ивановна до сих пор не поднималась. От веселых мотивов ей стало весело и легко на душе. Пермидов любезничал и снова и снова наполнял рюмки — то ликером, то коньяком, то парижским «Бэно», купленным им в большом количестве. Ирма Ивановна запела, и он ей вторил приятным тенорком. В голове легко кружилось, и в разговоре с Пермидовым чувствовалась такая непринужденность, что она сама удивлялась, как она не стесняется этого, ей, в сущности, совершенно чужого человека. От выпитого вина Ирма Ивановна почувствовала приятную истому во всем теле. Она пыталась подняться со стула, но, сделав два шага, села на диван.

— Весело, как никогда!.. — воскликнула она.

И, как некогда в Шанхае, когда она только что приехала из Владивостока, она запела:

Эх, в жизни живем мы только раз!
Мальчик, поцелуй меня хоть раз!
Отчего не весел ты, голову повесил ты —
Ведь в жизни мы полюбим только раз...

Пермидов смотрел на нее жадными глазами, привлекая ее к себе. Опустив веки глаз, она прислонилась к спинке дивана, стараясь забыть окружающую ее обстановку. Почекувствовала, как рука Пермидова ищет ее руку. Не отдернула. Током пронизывало все тело. Шепча бессвязные слова, Пермидов, сидя рядом с ней на диване, смелым движением обнял ее. Легким жестом пыталась его отстранить, но покочувствовала, что вся горит, как в огне. Кровь стучит в висках, и грудь усиленно вздымается. Забыла все кругом, и, казалось, время остановилось, и нет ничего, кроме этой минуты горячего счастья.

Так случилось то, что должно было случиться.

* * *

Пермидов прилежно трудился и носил домой деньги, а Ирма Ивановна, которая жила теперь с ним на правах жены, хлопотала по хозяйству и, по его настоянию, больше не старалась искать себе места или работы. Она за этот месяц, который они прожили вместе, не раз уговаривала его привезти Алешу, но он почему-то старался отодвинуть приезд мальчика на будущее.

— Нам, Ирмочка, спешить с этим не надо. Ребенка, одного с китаянкой, нельзя пустить в такое путешествие, а поехать за ним — тебе или мне — средств не хватит. Обожди, мышонок, немного...

В один из последующих дней Ирма Ивановна вздумала забраться на верхний этаж дома, чтобы произвести уборку и посмотреть, не найдется ли там чего-нибудь, что могло бы пригодиться в хозяйстве.

Велико было ее удивление, когда она среди разного хла-

ма нашла большую фотографию красивой молодой женщины в рамке из черного дерева. В углу надпись: «Моему Коко — от Муси». Долго смотрела на фотографию и надпись, потом отложила ее и стала рыться дальше. Большой сундук. Открыла, Что это такое? Женские платья, белье, юбки, блузки... Чьи это вещи? Ведь Пермидов говорил, что он холост...

Ирма Ивановна быстро спустилась в нижний этаж и, выдвинув ящик письменного стола, стала рыться в бумагах.

Нашла! Паспорт... Просмотрела... Глазам не верила:
...«Женат»...

В глазах потемнело. Почувствовала слабость.

«Почему же он мне ничего не сказал?..»

Стала рыться в других бумагах. Нашла письмо.

Женский почерк. Лихорадочно развернула.

«...Гонконг. 15 февраля 1924 г.

Костя!

Я должна была тебя покинуть. Согласись сам, что так мне дальше жить нельзя было. После смерти нашей маленькой Тани ты довел свои безобразия слишком далеко. Ни одна женщина не позволит над собой так издеваться. Я человек, а не скотина! Хорошую скотину и ту не бьют. Что же я могу сделать, если я не в состоянии удовлетворить твоих желаний? Ведь во многом виноват и ты. Даже в очень многом. Кто довел меня до такого положения и состояния? — Ты! Кто погубил мою молодую жизнь? — Ты! Кто толкнул меня на это бегство? — Ты! Все — ты!

Так будь же ты проклят! Не думай, что я тебе это прощу! Я буду следить за тобой и сумею убедить любую женщину, с которой ты вздумал бы жить или завести знакомство, что с тобой не жизнь, а ад!

Муся...»

Ирма два-три раза перечитала письмо.

Теперь только она поняла, с кем имеет дело. Упала на

диван и горько зарыдала. Долго не могла успокоиться...

Слуга-китаец принес ей только что полученное письмо... Предчувствуя недоброе, она быстро разорвала конверт. Письмо из Шанхая. От Анны Васильевны.

«Алеша очень серьезно заболел...»

— Этого еще не хватало!

Бессильно опустилась на диван и горящими глазами уперлась в потолок. И так долго лежала, не двигаясь с места.

* * *

Когда Пермидов вернулся домой, он сейчас же заметил, что случилось что-то неладное.

— Ирмочка! Миленькая! Что с тобой?..

Она протянула ему письмо, полученное из Шанхая. Онказался неприятно пораженным.

— Что же нам делать?

— По-моему, тут и думать нечего. Мне надо ехать в Шанхай к сыну. Ведь там, около него, все чужие люди...

— А деньги на поездку? — спросил отрывисто Пермидов, и складка неудовольствия легла у него на лб.

— Надо раздобыть. Я надеюсь, Костя, что ты их сумеешь достать для меня, или же мне придется что-нибудь продать.

— Гм... Посмотрим... Ладно, завтра попытаюсь...

Потом, спустя минуту:

— Как это все досадно!

— Позволь, Костя, неужели я для тебя так безразлична, что ты не желаешь выполнить мою первую просьбу, вызванную необходимостью — быть около своего ребенка?

Взглянул на нее каким-то странным взглядом. Потом отвел глаза в сторону.

— Об этом говорить не приходится. Я сделаю все возможное... Ты только не сердись на меня...

Ирма Ивановна вспомнила о фотографии на чердаке и письме «Муси». Решилась. Подойдя к нему, положила руки на его плечи и в упор заглянула в глаза.

— Что тебе еще?

— Скажи, Костя, был ли ты женат?

Он вздрогнул и слегка побледнел. Сразу опомнился не мог от неожиданности. Растирался.

— Миленькая! Что за вздор? Откуда у тебя это? К чему ты у меня *теперь* это спрашиваешь?..

— Так... Ты мне говорил, что ты холостяк...

Голова его поникла, и он опустился на стул, закрыв лицо руками. Слова выговаривал с трудом.

— Нет... Прости... Я женат...

— А жена? Где она...

Ирма Ивановна глядела на него в упор.

— Жива... Здесь... Но я с ней не живу...

— Почему же она ушла от тебя? И что с ней?..

Он внезапно вскочил и с злостью стукнул кулаком по стулу. Стаканы запрыгали на столе.

— Довольно! Я не хочу вспоминать всего этого! Понимаешь? Если ты хочешь жить со мной — живи! А в прошлое не залезай...

Потом с иронией, криво усмехнувшись, добавил:

— Ведь я не стараюсь узнать твоего прошлого. Ведь ты тоже не вдова, а замужняя женщина. Как будто я этого не знаю...

— Почему ты это знаешь?..

— Не притворяйся. Разве ты не видела его на рынке, торгующего старым барахлом? Его весь Кантон знает как первого пьяницу, дебошира, сутенера не менее общеизвестной «Блондинки» — Ольги Ковалевской. Что ты на это скажешь? И ты думаешь меня еще упрекать моим прошлым?

Ирма Ивановна бессильно опустилась на стул. Ноги у нее ослабели и подкосились.

Ее муж, Ксинадоров, полковник, красивый, бравый, интеллигентный, — пьяница, дебошир, сутенер какой-то проститутки, торговец на рынке старыми вещами...

Пермидов стоял к ней спиной и смотрел через окно на улицу. Потом, внезапно повернувшись к ней лицом, бросил:

— Если недовольна мною, моим прошлым и жизнью со мной, — пожалуйста, можешь уйти... Я плакать не буду...

— Как?! — Ирма Ивановна вскочила, как ужаленная. — Как ты сказал? Я могу идти?.. Ты меня гонишь?.. Значит, так? *Теперь я могу идти?..*

Смутился. Поспешил поправить себя:

— Я тебя не гоню. Я далек от подобной мысли... Но ведь я не знаю, к чему ты начала этот разговор с разоблачением моего прошлого.

Он прав. К чему? Разве так было не лучше? Жить настоящим, не думая о прошлом?

Весь вечер оба сумрачно молчали, и разговор не клеился. Какая-то нить, связывавшая их до сих пор друг с другом, оборвалась... Она чувствовала, что жить в этом доме она долго не будет...

* * *

Вечером, на другой день, Пермидов явился домой мертвяки пьяным. Набросился на Ирму Ивановну, ругая ее последними словами...

— Костя, что с тобой?.. Ты мне деньги принес? — спросила она, щупая его карманы.

Он вырвался из ее рук и злобно пробормотал:

— Брось! Что ты, как девчонка с улицы, обыскиваешь мои карманы?.. Каких тебе денег?.. Ступай, заработай сама... С твоей фигурой можно достать денег на дорогу в Париж... не только в Шанхай... Ступай... Наверное, не впервые...

Слова, как огненные плети, падали ей в лицо. Пронизала мысль:

«И я с этим животным жила? И еще старалась ему угодить!»

— Подлец! Мерзавец! Негодяй! Гниль!

Выкрикивала слова, сжимая кулаки и топая ногами. Лицо пылало гневом и ненавистью.

— Замолчи, панельная потаскуха! А то будет плохо! Я тебя взял с панели на улице — можешь идти туда же обратно. Довольно разыгрывать из себя какую-то барыню и ос-

корблять меня... честного человека!..

И Пермидов заплакал пьяными слезами, всхлипывая...

Ирма Ивановна не соображала, что делает.

Бежав в спальню, с лихорадочной быстротой надела свое новое, лазурно-синее платье... Налила большой стакан ко-
ньяку. Выпила его залпом. Сделала прическу. Напудрилась. Надушилась. Снова выпила стакан. Надела новую синюю шляпу с громадным эспри. Схватила ридикюль. Забросила в него платок и несколько долларов... Снова напудрила воз-
бужденное, заплаканное лицо... Достала бутылку с остатка-
ми ликера. Выпила...

Потом, мурлыкая какую-то шансонетку, спустилась по лестнице на улицу. Китаец-слуга услужливо открыл выход-
ные двери, покачивая головой. В таком состоянии он своей хозяйки еще не видел...

Увидела свободную рикшу. Села.

— «Гранд-Кабаре»!..

Китаец закивал головой и побежал рысью...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Портал горит сотней электрических лампочек. Световая надпись: «Г р а н д - К а б а р е». Входят и выходят. Шеренга автомобилей и рикш с белоснежными сиденьями. Где-то сверху гремит музыка.

Ирма Ивановна, с сумбуром в голове, поднялась по лестнице, выложенной мягким ковром. Вшла в общий зал. Множество столиков, занятых разнообразнейшей публикой. Держат себя непринужденно-свободно. На маленькой открытой эстраде — танцовщица.

С трудом разыскала свободный столик.

Сотни глаз усиленно оглядывают ее с любопытством. Но... Всюду... Здесь почти все знают друг друга. Кто она?

Ни на кого не обращая внимания, заказала фрукты и бутылку «Бэно». Не смотрела на окружающих. Танцовщица ушла, на эстраде — струнный оркестр. Играет фокстрот... В маленьком кругу в середине зала танцуют несколько пар. Плавные движения мужских и женских фигур, тесно прижавшихся друг к другу. Не удивилась, когда высокий бритый англичанин подошел к ней. Пригласил танцевать. Пошла. Почувствовала себя легко. Танцевала с увлечением. Пара за парой отошли в сторону и наблюдают за ними... Ирму это не смущает. Оркестр гремит... Ирма легко и грациозно движется взад и вперед...

Оркестр замолк. Гром аплодисментов. Кто-то просит танго... Ее упрашивают танцевать... Суют бокал с шампанским. Жадно пьет. Снова танцует... Фигура за фигурой... О, ее партнер чудесно танцует!..

Аплодисментам нет конца...

Вокруг ее стола веселая компания. Какие-то дамы... Кто они? Не все ли равно?.. Поет шансонетка... Цветы? Кому? Ей — Ирме Ивановне! Спасибо! Как? Танцевать? Где, на столиках? Нет! Она не хочет. Англичанин не отходит от нее... Ей суют деньги... Она медленно прячет их в ридикюль. Просят исполнить танец живота... Встает и, сверкая глазами, берет бокал, провозглашает тост за вечное веселье. Потом:

— Сегодня Ирма веселится, а завтра будет плакать!..

Выпила и бросила бокал через плечо на пол...

Осколки убирает слуга. Весь зал наблюдает за ней... Гул голосов... Кругом мужчины... Снова упрашивают...

Четыре столика сдвинуты вместе. Их мраморные доски блестят, как полированные. Ирму поднимают наверх. Синелазурное платье в ярком электрическом свете переливается темными и светлыми оттенками. Большое эспри гордо возвышается над разгоревшимся лицом. Теперь она чувствует свою силу, свою власть. Подбоченившись, бросает оркестру:

— «Danse orientale»!..*

Выкрик повторяется десятками голосов, переливаясь волной по залу...

Загремел оркестр, и сотни глаз впиваются в фигуру царицы вечера, возвышающуюся над всеми на мраморных столиках... Она умеет танцевать. Недаром пять лет училась... У нее это наследственное — мать была танцовщицей... Разгоревшиеся лица, глаза, раздевающие донага, горящие желанием. Она возбуждена. Вино оказывает свое действие... Но она танцует... Вкладывает в танец всю свою душу...

Есть ли у нее вообще душа?

Нет, внутри все выжжено и пусто. Есть только лихорадочное возбуждение и желание показать этим людям, что она выше их, властвует над ними, может любого покорить и сделать рабом...

Танец окончен... Ее на руках снимают со столиков. Снова гром рукоплесканий... А потом? Что потом?..

Этого она уже непомнит...

* * *

Утром она проснулась в номере отеля «Азия».

На кровати рядом спит ее партнер-англичанин. Ее сине-

---

* «Восточный танец» (*фр.*).

лазурное платье валяется тут же, на диване. Голова болит, точно разламывается на части.

В ридикюле много банкнот. Крупных и мелких... Вспомнила вечер. Улыбнулась. Это ей насовали эти люди в кабаре. Поднялась, встала, оделась. Синие круги под глазами. Волосы рассыпались. Помылась и привела себя в порядок. Чувство мерзости исчезло. Почувствовала себя чистой.

Когда собралась уходить, англичанин проснулся, поцеловал ее и положил крупный банкнотный билет в ее ридикюль.

Просил приходить в кабаре ежедневно.

* * *

На улице подумала:

«Что же это я? К чему пошла в кабаре?» Вспомнила слова Пермидова... Ага! Так. Но ведь теперь у нее есть деньги... Надо спешить к Алеше... Решила зайти к Пермидову.

Он возбужденно бросился к ней:

— Ирмочка, дорогая! Где же ты была? Где пропадала всю ночь? Ведь я был пьян! Я тебя оскорбил? Да? Скажи?..

Пытался обнять. Она его отстранила. Он казался ей маленьkim, смешным и противным.

— Брось это... Ведь ты меня гнал из дома на улицу...

— Ирмочка! Ради Алеши, прости меня! Прости, ведь я это с пьяных глаз! Не хотел и не думал... Я сейчас побегу и раздобуду денег... Я...

Наклонился и стал горячо целовать ее руки...

— Прости только меня! Я все, все сделаю для тебя!..

Она открыла ридикюль и с суровым видом указала на пачку разноцветных кредиток.

— У меня их хватит.

Нервно засмеялась. Неестественным голосом спросила:

— Может быть, тебе надо?

Бросила сотню долларов. Он взял их, подумал — и сунул в карман:

— Спасибо, опохмелюсь.
Потом, через минуту:
— Ты что же собираешься сейчас делать?
— Поеду в Шанхай.
— А потом? Вернешься ко мне? Скажи, Ирмочка, вернешься?

Он внезапно схватил ее и стал горячо целовать. У нее исчезла всякая злоба к нему.

Обвив его шею руками, она отвечала на его поцелуи.

Пароход в Шанхай должен был уходить в семь часов вечера. Положив самое необходимое в маленький чемодан Пермидова, она была уже готова поехать на пристань, когда китаец-слуга передал ей срочную телеграмму:

«Шанхай. 3/III. 17. 05. 24.

АЛЕША УМЕР ОТ МАЛЯРИИ. ПРИШЛИТЕ
ДЕНЬГИ НА ПОХОРОНЫ ИЛИ ПРИЕЗЖАЙТЕ
САМИ.

Савигина».

Удар молнии из чистого неба!
Ирма Ивановна упала на руки подоспевшего Пермидова...

* * *

Вечером пила вино с Пермидовым. Он скоро опьянял и уснул. Ирма не опьяняла. Одевшись в свое лазурное платье, ушла в кабаре.

Ехать в Шанхай? К чему? Алеша все равно не оживет. Она еще днем перевела по телеграфу деньги для похорон сына.

В кабаре она опять плясала тустеп, традиционный фокстрот и танго до упада.

Утро застало ее в объятиях какого-то богатого американца-купца...

Так продолжалось многие последующие дни.

Каждое утро Пермидов упрекал ее. Она же молча целовала его, давала денег, и они снова мирились.

В кабаре ее прозвали «Синей Ирмой», и ни один вечер не проходил без ее участия. Ее красота от пьянства утратила свою свежесть, но зато у нее появился пикантно-нахальный задор. За ней волочились молодые и старые. Все, кто имел много денег. И эти деньги переходили к ней, потом — к Пермидову... Напившись, — он ее грозил побить. Получив деньги, — успокаивался. На другой день снова пьянировал.

* * *

Вечер был в полном разгаре. Все столики заняты. Ирма сидит в компании каких-то англичан, заставляет их пить вино, смеется и капризничает. Требует цветов. Ей приносят их. Но они ей не нравятся, и она, комкая, бросает их на соседний столик. Бритые, с ястребиным выражением лиц, англичане улыбаются алчной улыбкой. Требует новых. Снова приносят букет. Взяв его, Ирма вдруг застывает...

Перед ней промелькнуло лицо... Чье оно? Где она его видела? Мысли в пьяном мозгу путаются...

Потерла рукой висок. Вспомнила.

Встала и, провожаемая удивленными взглядами англичан, двинулась к соседнему столику, где сидел человек со смуглым лицом. Тут же, против него, — кричаще одетая женщина со впальми щеками и ярко накрашенными неестественным цветом губами. Ее лицо также знакомо Ирме. Стала вспоминать, где она видела это лицо. Медленно перевела взгляд на смуглого человека... Он вздрогнул. Видимо, узнал ее. Потом громким и звучным голосом, указывая на него пальцем, она сказала по-английски:

— Господа, этот человек — вор! Он украл в магазине шесть

штук женских рубашек!..

Взгляды всех были устремлены на смуглолицего человека, который поспешно встал и, расплатившись, вышел из зала. Женщина, сидевшая с ним, с лихорадочно-сверкающими глазами набросилась на нее. Дело грозило кончиться дракой между возбужденными женщинами; они ругались самыми последними словами, правда, на русском языке. Их разъединили и, одну за другой, выпроводили из кабаре на улицу...

После этого Ирму больше не пускали в кабаре...

Она вскоре нашла себе новое пристанище в русском кафе «Паризиен». На той же улице и чуть ли не против кафе «Максим», хозяйкой которого была Стерлетти.

* * *

Несмотря на то, что Пермидов окончательно спился и забросил свою службу, Ирма продолжала с ним жить. Она стала худеть и краситься. Но неизменно ходила в сине-лазурном платье с богатой шелковой вышивкой. В мире веселящихся сделалась известностью. «Синяя Ирма» в кафе «Паризиен». Поклонников стало меньше. Голос ее был уже не таким звучным, как раньше, и она здесь фигурировала в качестве танцовщицы, получая несколько долларов.

Внезапно сделала открытие, что заболела.

Принуждена была оставаться дома и бросить пить вино.

И тут в эти дни, скучно тянувшиеся для нее бесконечной вереницей, она немного пришла в себя и ужаснулась.

«Что же, в конце концов, со мной будет дальше? Ведь недавно я еще сторонилась и презирала эту грязь. А теперь?..»

Пермидов продолжал пьянствовать. Он исхудал, и руки у него тряслись. Лицо его покрылось сетью красных кровяных ниток и испещрилось массой складок.

— Будет валяться! Так с голоду подохнешь. У меня завтра денег не осталось. Слышишь?..

— Я больна, мне нельзя выходить из дома...

— Ах, так! Больна! Я тебе покажу, как болеть...
Он схватил бамбуковую трость и ударил ее.

— Что ты делаешь?! Да как ты смеешь меня бить!..
Она ищет чего-нибудь, что можно было бы бросить в него.

Но входит слуга-китаец, докладывает: пришла какая-то дама, желает видеть Пермидова.

— Проси сюда наверх.

Ирма Ивановна злобно взглянула на Пермидова.

— Женщины стали таскаться к тебе на дом! Этого еще не хватало!..

Пермидов стоял перед ней, покачиваясь, и, казалось, ничего не соображал.

В комнату вошла женщина со впалыми щеками и неестественно ярко накрашенными губами...

— Вам что?

Взгляды их глаз скрестились, как ножи.

— Как? Ты, «Синяя Ирма», здесь? Этого я не ожидала...
Может быть, ты живешь с этим негодяем?..

Она испытующе глядела на Ирму.

— А тебе что здесь надо? Кто ты такая?..

Ирма встала — и незваная гостья невольно отступила назад.

— Я... его жена! Бывшая жена и рабыня этого подлеца!..
Она указала на Пермидова.

— Ты за тем и пришла, чтобы мне это сообщить?

Ирма приняла воинственную позу. Она вспомнила фотографию и письмо. Да, это была та женщина, подписавшаяся на фотографии — «Муся». Но как она изменилась!..
Наверное, неизлечимо больна.

— Я хочу знать, кто ты здесь такая?

— Я — жена Кости, и никаких разговоров вести с тобой не желаю. Путайся с твоим вором, а нас оставь в покое! Слышишь?.. Иначе...

— Иначе — что?

— Вон! Убирайся вон! Тебе здесь уже нечего делать!

— Да... Ступай-ка... ты... вон! — пробормотал Пермидов, пошатываясь.

— А если я не пойду?!

Ирма Ивановна схватила бамбуковую трость, которой ее только что ударили Пермидов и, замахнувшись, ударила ею женщину.

С ругательствами и угрозами, та бросилась бежать. Ирма Ивановна погналась за ней... Но не догнала... Женщина выскочила на улицу, хлопнув дверью...

Ирма вернулась.

— За что я ее ударила? Она не виновата...

Весь вечер Ирма плакала.

* * *

Кафе «Паризиен» ничем не отличалось от подобных ему заведений. Номера — в верхнем этаже, в нижнем — большой зал, граммофон и рояль. Каждый вечер этот зал битком набит посетителями. Открытый, необузданный, циничный разврат последней марки. Пьянство. Сводничество. Снаружи — лоск «порядочности», но гниль и труха выглядывают отовсюду. Печальные фигуры из царства «бывших». Надежд на возврат былого нет. О завтрашнем дне страшно и думать. От старого оторвались, к новому не пристали...

Ирма Ивановна решила пойти к советскому консулу. Справиться о переходе в советское гражданство. Ей отказали. О ней там имелись достаточные сведения.

— Что вы собираетесь делать в Советской России?

На это она ничего ответить не могла. Россия ей казалась теперь недоступной и чуждой страной.

Ушла, так и не ответив на этот вопрос...

* * *

Через месяц она снова появилась в кафе «Паризиен». Нужны были деньги. Пермидов не раз бил ее, посыпая на

«работу». В такие минуты он становился зверем. Она стала его бояться.

Ирма нисколько не удивилась, увидев однажды в кафе Стерлетти в обществе молодого Савигина. Савигин был безукоризненно одет и имел мужественный и внушительный вид. Стерлетти не спускала с него глаз. Она свое кафе временно закрыла для производства ремонта. Ирма Ивановна старалась не обращать на них внимания, болтая со своим гостем. Заработав с десяток долларов, она хотела уже идти домой, как получила от слуги-китайца записку:

— Велели передать вам...

Развернув, прочла:

«Ирмочка!

Ждите меня в 11 ч. 30 м. вечера в гостинице «Ориенталь». Комната 12. Не откажите прийти.

Ваш Савигин.

Р. С. Старуха моя, Стерлетти, об этом ничего не знает и, надеюсь, не узнает».

Хотела разорвать. Потом, подумав, спрятала в ридикюль.

«Что он от меня хочет? Может быть, нужно что-нибудь сообщить мне?.. Разве пойти? Теперь уж все равно...»

* * *

К назенненному времени явилась в гостиницу «Ориенталь», в комнату 12. Савигин ожидал ее. Взял ее руки, поцеловал поочередно.

— Ирма! Простите за вольность, но я имел непреодолимое желание видеть и говорить с вами. Надеюсь, вы не сердитесь на меня?

— Нет. Это было так давно, что потеряло всякое значение...

— О чём вы говорите? Я вас не могу понять...

Стоит ли говорить ему о ругани за дверью ее комнаты, в доме Стерлетти? Она махнула рукой.

— Не будем об этом говорить... Что вы от меня хотите?

— Многое... Очень многое...

В глазах его появились огоньки, давно знакомые Ирме. Подумала:

«Ага! Вот зачем он меня сюда позвал. Как все это глупо и пошло!...»

Устало усмехнулась.

— Говорите...

— Мы, Ирмочка, с вами уже давно знакомы. С самой России. И с тех пор, как я вас знаю, вы мне нравитесь. Я дома мечтал о вашей любви и ласке...

Говорил отрывисто и искал слова, потом обхватил ее и прижал к себе. Его крепкие объятия, молодое, полное жизни тело привлекали ее.

— Я готов с вами, Ирмочка, уйти от всего этого. Деньги у нас найдутся — я раздобуду некоторую сумму. Брошу эту старую, глупую Стерлетти, которая холодна, развратна и неинтересна до последней степени... Надоело все это, Ирмочка. Ведь я тебя люблю...

* * *

Они расстались только утром. Савигин предложил ей уехать с ним в Коломбо, на остров Цейлон. Она обещала подумать.

— А денег где ты возьмешь? Ведь на это нужны большие средства!..

— Об этом не беспокойся. Только не говори никому. Пока прощай...

Придя домой, она нашла крупный кредитный билет в своем ридикюле, который ей Савигин сумел незаметным образом сунуть. Горько вздохнула и улыбнулась.

Она для него теперь такая же проститутка, как и все дру-

гие...

* * *

Пермидов пришел домой, против обыкновения, трезвым.

— Знаешь, Ирма, новость? Только что узнал... Ну и дела творятся на белом свете!

— Что случилось?

Лежа на диване, Ирма курила сигарету и с любопытством смотрела на своего сожителя.

— Сбежал молодой Савигин! Стерлетти сходит с ума! Молодчик обчистил ее на пятнадцать тысяч долларов... Никто не знает, куда он скрылся... Третий сутки пропадает. Видели его в Гонконге, в банке, с какой-то дамой. После этого он провалился сквозь землю...

— Так Стерлетти и надо!..

Ирма втайне пожалела, что не приняла предложения Савигина. Думала, что врет и обманывает. Или просто хвастает.

Пермидову об этом ничего не сказала.

Была удивлена, когда вечером к ним пришла... сама Стерлетти. Вид у нее был измученный, изнуренный.

— Надеюсь, вы меня не прогоните?

— Зайдите. Садитесь, пожалуйста...

Ирма Ивановна разглядывала ее с любопытством. Стала угадать, знает ли она о ее встрече с Савигиным.

— Вы, наверное, слыхали о моем несчастии?..

— Да. Вы потерпели большие убытки.

— Я, знаете ли, прямо не знаю, как быть. Заявить — поймают и посадят в тюрьму, а я его — скажу откровенно — полюбила... Не заявить — пропали мои денежки...

Странно было слышать из уст этой старой, заядлой проститутки слово «полюбила». Ирма улыбнулась.

— А вы все еще на меня сердитесь?

— Нет. Теперь нет. Ведь я сейчас не лучше других, но тогда — все это для меня было дико...

Ирма совершенно забыла, что только благодаря Стерлетти она попала в Кантон и так опустилась.

— Могу ли я надеяться, что вы станете посетительницей моего кафе? Вы, Ирма, пользуетесь успехом, и за вами явится ко мне много новых гостей. Милости прошу. Кредит в любом размере. Идет?

Она протянула свою маленькую, пухлую руку.

— Хорошо. Я согласна.

И на следующий день вечером «Синяя Ирма» сидела уже во вновь отремонтированном кафе «Максим», стараясь развлекать гостей, заставляя их требовать то одно, то другое вино. Надо же было дать возможность Стерлетти заработать...

* * *

Семь часов вечера. В кафе «Максим» еще пусто. Лишь несколько посетителей. Ирма сидит в углу и скучает. Лениво курит сигарету.

— Как все это надоело! Неужели так и будет продолжаться всегда? Вязнешь все глубже и глубже...

Вошли новые посетители: мужчина и женщина.

Ирма чуть не вскрикнула от неожиданности.

Хотела подняться, но силой заставила себя оставаться на месте. Может быть, он ее давно забыл... Иначе искал бы... Как он постарел. Проседь в голове. Исчезли бравый вид и осанка. Осунулся, глаза помутнели. Вот он смотрит на нее. Нет, не узнает. Вынула из ридикюля маленькое зеркальце и взглянула на себя. Да, она тоже немало изменилась...

Написать ему записку? Он пришел с какой-то женщины... Рассмотрела его спутницу. Типичная проститутка. Светлая блондинка, испитое лицо, лихорадочно блестящие глаза, сильно подведенны, глубокие складки у рта. Несколько золотых зубов. Смотрит на него безразлично и холодно. Это, наверное, и есть та Ольга Ковалевская, о которой ей говорил Пермидов.

С полчаса она незаметно наблюдала обоих. Глаз не сводила.

Ксинадоров собирается уходить...

Медленно поднялась и ленивой походкой вышла по лестнице вниз на улицу. Ждала.

Через две-три минуты Ксинадоров появился в дверях.

Преградила ему дорогу. Он взглянул и вскрикнул от удивления.

— Ира!! Ирма!.. Ты ли это?!

Обнял и поцеловал.

Проходящие мимо китайцы с удивлением взглянули на обоих.

— Ты здесь? В Кантоне? Я думал, что ты там... У большевиков... В России...

Его глаза ожили, и он не выпускал ее руки из своей. Старался рассмотреть ее лицо при свете витрины ближайшего магазина.

— Да... Я здесь... Давно уже... Много месяцев...

— Как ты живешь? На какие средства? Что делаешь?..

Ирма молчала. Не находила сил и слов сказать правду. Разве он глуп или слеп, — не видит?..

У него на лице появилось выражение безнадежности и отчаяния.

— Ты... ты... Я не знаю, как сказать, как выразиться... Несужели это так?.. Ирма?..

Суровым, чуждым взглядом взглянула на него.

— Говори прямо... Нечего теперь скрывать и играть в «попрядочность»! Да, я проститутка!.. Девушка из кафе, кабаре, «пансиона», если хочешь — улицы! Ха-ха-ха!.. Женщина для кровати!..

Хрипло засмеялась. На лице — выражение тупого безразличия.

Он опустил голову.

С минуту молчали. Потом он вспомнил что-то, испуганно взглянул на входные двери кафе. Протянул руку.

— Прощай! Увидимся! Я не хочу, чтобы она увидела... Будь здорова...

Внезапно нагнувшись, поцеловал ее руку и, надвинув

шляпу на глаза, быстро зашагал по улице, не оглядываясь назад.

Ирма в недоумении взглянула на свою руку, точно на ней мог остаться след от его поцелуя. Потом перевела взгляд на удаляющуюся фигуру мужа. Бывшего... Почувствовала, что его больше у нее нет. Она одна — и свободна...

И больше ничего. После стольких лет разлуки!..

Повернулась и автоматически зашагала по улице. Ни о чем не думала. Шла и шла. Долгое время, пока не устала. Внезапно остановилась, вспомнив, что ее, наверное, ждут в кафе «Максим».

Наняла рикшу и возвратилась в кафе.

Женщина, пришедшая с ее мужем, сидела в компании молодых людей и уже была пьяна. Рассказывала сальные анекдоты на русском языке.

Ирму ждали. Войдя в зал, она услышала, как кто-то восторженно провозгласил:

— Вот и наша «Синяя Ирма»! Богиня веселья и любви!..

Заметила насмешливо-завистливые взгляды девиц за столиками. А светлая блондинка с золотыми зубами полугромко сказала:

— Подумаешь, какой фасон! Такая же проститутка, как и мы!

Сделала вид, что не слыхала. Села за столик к знакомым молодым людям.

Вскоре забыла о произошедшем, выпивая рюмку за рюмкой...

* * *

Пермидов перестал пить. Снова занялся службой и мало разговаривал с Ирмой Ивановной. Ей казалось, что она ему надоела. Перестал бить ее и только, в случаях крайней нужды, брал у нее деньги. Удивлялась этому, но спросить боялась.

Заметила, что он, в свободное время, занялся чтением

книг, чего он давно уже не делал.

Старалась разгадать причину этой странной перемены в поведении Пермидова. Напрасно.

За обедом пыталась с ним заговорить. Уткнувшись в газету, он давал односложные ответы. Она раздражалась:

— Ведь это, в конце концов, долго продолжаться не может!..

Но решила ждать.

Результат странного поведения Пермидова оказался крайне неожиданным...

Неделю спустя, придя утром домой, китаец-слуга подал ей большой конверт с надписью рукой Пермидова.

Руки затряслись. Быстро вскрыла и прочитала:

«Дорогая Ирмочка!

Не сердись. Я ушел от тебя. Поступил в португальскую охрану судов в Макао. Надо было изменить образ жизни и освободиться от тины, которая грозила меня затянуть. Твоя близость сделала меня негодяем, каким я в твоих глазах и останусь. Но я решил, что лучше покончить со всем этим, чем пропасть и свалиться в общую кучу гниющих и разлагающихся.

Дом оставляю тебе, как и все, находящееся в нем. Можешь поступить с ним, как тебе заблагорассудится. Ведь он сейчас больше твой, чем мой.

Ирмочка, найди и ты силы в себе и брось все это, пока не поздно... Уйди, служи кем угодно или найди себе мужа. Но не из нашей эмигрантской среды. Может быть, ты сумеешь тогда еще себя спасти от неминуемой гибели. Не поминай меня лихом.

Целую тебя, Ирмочка, и благодарю за все, что ты мне дала и для меня сделала.

Твой Пермидов».

Как ни странно — Ирма Ивановна заплакала. Этого с ней давно уже не случалось.

«Значит, снова одна... От меня начинают бежать. Как от заразы...»

Убеждает бросить, пока не поздно... А если — поздно?..

Ужаснулась. Нет. Надо бросить!.. Но как? Хватит ли сил? Она так устала!.. Сразу ей не покончить с этим. Может быть — надо с этим покончить постепенно... незаметно...

* * *

Вечером она сидела, как и всегда, в кафе «Максим». Пила вино, танцевала, веселилась до упаду. «Синей Ирмой» восхищались.

Казалось, она забыла все, что в ней всколыхнулось от письма Пермидова...

* * *

Кантон, сердце китайского революционного народа, готовился к празднику. Ожидалось прибытие первого советского военного корабля в китайские воды, о чем трубили все местные китайские и европейские газеты — Кантона и Гонконга.

На набережной была выстроена арка огромных размеров для встречи красных советских моряков. Готовился торжественный вечер-банкет в лучшей гостинице города. О прибытии советского корабля говорил весь город, правда, с различными чувствами.

В Шамине, части города, где проживают русские эмигранты, ехидничали:

— Посмотрим, что за моряки. Наверное, все большевики... Отборные...

В Сей-Ку-Ань, квартале китайских лавок, работающих на английский капитал, купцы-китайцы были недовольны прибытием русского корабля.

— Чего им здесь надо?.. Ведь мы им не друзья...

Остальные же относились к предстоящему приходу «Боровского» совершенно безразлично.

Но когда через два дня вошли в гавань две расцвеченные флагами китайские канонерские лодки, на которых везли команду советского военного корабля из Вампуа, мещечка, где встал на якорь «В о р о в с к и й», улицы, ведущие к набережной, были запружены огромными толпами народа. Войска, выстроенные шпалерами, еле могли сдерживать напор желающих взглянуть на красных моряков советской страны.

Многочисленные военные оркестры играли встречный марш, и русские моряки, по два в ряд, вышли строем на набережную, одетые в белоснежные майские брюки и форменки. Их загорелые, добродушные физиономии сразу же завоевали себе симпатии бравым, дисциплинированным и жизнерадостным видом. Уверенно шагали, твердо отбивая шаг, в проходе, оставленном между рядами войск.

Команда. Остановились, как вкопанные.

Послышались голоса ораторов-китайцев, приветствовавших русских братьев в земле революционного Китая. Знакомые русские звуки речи. Отвечает русский моряк, вышедший из строя.

Рядовой советский моряк говорит речь...

Эмигранты, выпучив глаза, слушают.

— Это подстроено... Где же слыхано, чтобы простой матрос мог говорить речи?.. Чудаки эти большевики, думают пыль пустить в глаза... Дудки-с! Знаем мы это!..

Снова музыка, и стройными рядами моряки пошли к гостинице на банкет, устроенный в честь их прибытия президентом, главой Южно-Китайской Республики, доктором Сун-Ят-Сеном.

Таким образом прибыл вместе с прочими русскими моряками в Кантон и Толя Нога.

О приходе советского корабля стало известно Стерлетти и Ирме Ивановне. Отнеслись к этому равнодушно. Но когда вечером в кафе стали говорить о прибывших русских моряках — прислушались.

— Интересно, Ирмочка, посмотреть на земляков. Не правда ли?

— Да. Но меня удивляет, как это вы о них говорите так спокойно. Это же большевики... Подумайте!..

Стерлетти лишь махнула рукой.

— Мне теперь все это стало безразлично. У меня уже нет никакой вражды...

Ирма передернула плечами.

— Чудачка вы, Алиса. Раньше, кажется, думали иначе...

— Что было — то было. Теперь все это так далеко. Совсем другое...

* * *

Весь город был вспошлен.

В день годовщины китайской революции, 10 октября, была войсками компрадоров, или «бумажных тигров», охраной кантонского купечества, расстреляна демонстрация китайских студентов. В городе чувствовалось нервное настроение.

«Бумажные тигры», которые несколько дней тому назад вздумали закрыть все лавки в Сей-Ку-Ань, в знак протеста забастовки против невыдачи и конфискации правительством оружия, прибывшего для них на транспорте из Америки, решили действовать.

В гавани стояли английские канонерки колониальной флотилии, американский легкий крейсер-стационар и французский монитор «Malicieuse».

Недовольные действиями правительства Сун-Ят-Сена, наусыкаемые английским консулом и английскими купцами, компрадоры решились на расстрел демонстрантов, убив четырех человек и многих ранив. Это провокационное

выступление имело своей целью вызвать правительство на борьбу и таким образом свалить ненавидимого купцами президента — доктора Суна.

Но в следующий день, несмотря на ультиматум английского консула о недопустимости принятия репрессивных мер против «тигров», Сей-Ку-Ань был окружен войсками Суна. Китайские канонерские лодки дали шесть выстрелов, и квартал купцов, ставленников англичан, запылал одновременно в трех местах. Компрадоры, вооруженные полученным ими в небольшом количестве оружием, стали защищаться...

Напрасно. Огонь и пламя заставляли их покидать свои пылающие дома и лавки. Выскакивали на узкие, темные улицы, где попадали под обстрел революционных войск.

Так истреблялись в эти знаменательные дни ставленники английских империалистов в Южном Китае — «бумажные тигры»...

* * *

Выстрелы китайских канонерок рано утром всполошили весь Кантон.

Ирма Ивановна проснулась и села на своей кровати. Вчера вечером она почувствовала боль в груди, как будто укололо что-то. Стала кашлять, но не могла откашляться. Осталась дома. Решила отдохнуть.

— Что это? Где стреляют?..

Быстро одевшись, побежала в дом Стерлетти, которая также была на ногах и крайне взволнована. Китайцы на улице бежали в гавань, где на противоположной стороне находился квартал Сей-Ку-Ань...

Клубы черного дыма и длинные языки огня показались в разных местах, были слышны выстрелы, крики и вопли, а в Шамине, квартале европейцев, в том числе и русской эмигрантчины, началась паника.

— Милочка! Что это значит? Что там происходит? Надо

узнать! О, боже мой, как страшно... Я вся трясусь...

У Стерлетти дрожали руки от волнения. Ирма Ивановна ничего не могла сообщить.

— Наверное, взбунтовались китайцы, и теперь будут резать европейцев... Да, да! Я это чувствую... Нужно, Ирмочка, бежать!..

— Куда? Никуда вы не уйдете... Сидите лучше здесь и не выходите на улицу...

— Хорошо! Но, пожалуйста, Ирмочка, останьтесь у меня... Вдвоем не так страшно!

— Но ведь и мне надо за своим домом присмотреть!

Стерлетти была Ирме Ивановне противна и ее трусость — смешна... Что будет, то будет...

Она вышла на улицу и направилась к себе домой. Сложила самые лучшие и ценные вещи и перенесла их к Стерлетти, которая не переставала нервничать. По дороге Ирма узнала, что горит квартал компрадоров. Слышала, как один из проходящих китайцев сказал:

— Мы должны изгнать империалистов и их капитал из Китая!

— Видите, милочка, я так и знала! Сейчас они жгут Сей-Ку-Ань, а потом примутся за нас!

— Пойдемте, закроем двери и заставим их ставнями, — предложила Ирма Ивановна, которая старалась быть спокойной, боясь нового приступа кашля.

Она не допускала мысли, чтобы китайцы стали вырезать белых.

Закрыв двери и задвинув ставни, женщины забрались на чердачное помещение дома, откуда был виден горевший квартал. Огромные клубы черного дыма тянулись над причудливыми китайскими постройками, в воздухе пахло паленым, слышны были ружейные выстрелы, отдаленный гул и рокот массы людских голосов; длинные языки пламени лизали все новые и новые здания...

Стерлетти закрыла руками лицо, на котором теперь ярче, чем когда-либо, выступали предательские красные пятна, так тщательно скрываемые ею.

— Они нас, европейцев, не посмеют тронуть. Ведь европе-

пейцы находятся под охраной своих консулов... Не правда ли?

Ирма Ивановна улыбнулась:

— А под чьей охраной находимся мы, русские эмигранты?

Стерлетти растерянно взглянула на Ирму.

— Мы? Конечно, русского... То есть, советского консула...

— Навряд ли советский консул станет нас защищать...

Мы его не хотели признавать за своего консула...

— Ах ты Боже мой, почему же мы его все время игнорировали...

Стерлетти всплеснула руками.

— Не мы его игнорировали, а он нас. Или, правильнее, мы друг друга знать не хотели... Да, милая Стерлетти, не плой в колодец, пригодится воды напиться. Теперь же поздно...

Стерлетти раздумывала о чем-то.

— У меня в кладовой лежит американский флаг. Повесим его через балкон на улицу... Все-таки спокойнее...

— А это не повлечет за собой каких-нибудь неприятностей? Ведь мы же не американцы!

— Надо же нам как-нибудь себя защитить!..

Десять минут спустя развевался большой американский флаг над наружной вывеской европейского «пансиона» и кафе «Максим».

Стерлетти и Ирма поставили себя под защиту Соединенных Штатов Северной Америки.

* * *

Вторые сутки горит Сей-Ку-Ань. Второй день твердой руки доктора Суна и Кантонского ревкома идет уничтожение «тигров». Иностранные боятся вступиться за «тигров», хотя они кровно заинтересованы в их существовании. С американского легкого крейсера высаживаются на берег военные моряки для защиты и охраны американских граждан

и их имущества.

После обеда, когда Стерлетти и Ирма Ивановна собирались немного уснуть, так как всю ночь не спали, хотя кафе и было закрыто, раздался звонок с улицы.

Стерлетти стала спускаться с лестницы в сильном волнении, а за ней следовала Ирма Ивановна, у которой ныло и кололо в груди.

Открыв дверь, они увидели перед собой высокого, статного американского военного моряка с винтовкой за плечами и небольшой белой шапкой с загнутыми кверху краями на голове.

Поздоровался, подняв руку к фуражке.

— Здесь живут американцы?

— Нет... Но... Знаете ли...

Моряк, очевидно, унтер-офицер, был видимо смущен.

— Мне показалось, что на вашем доме висит флаг Соединенных Штатов... Нас же выслали сюда для охраны интересов подданных Соединенных Штатов.

Посреди улицы его ожидал отряд американских моряков.

— Пожалуйста, зайдите...

Широкая фигура моряка продвинулась через двери, и они стали подниматься вверх по лестнице. Стерлетти усадила гостя в зале кафе и принесла бутылку коньяку.

Налив стаканы ему, себе и Ирме, она упросила моряка выпить. Американец улыбнулся, и его загорелое лицо приняло добродушное выражение.

— Дело в том, что мы здесь совершенно одни. Две беззащитные женщины. Мы не американские подданные, а русские. Как вам известно, у нас здесь своего консула нет, а есть лишь советский, которого мы не признаем. Поэтому мы и решили повесить над нашим домом американский флаг... Все-таки спокойнее. Американцев не посмеют тронуть. Они слишком могучи и храбры.

Она думала польстить матросу. Снова налила коньяку.

— Хорошо. Я назначен для охраны дома на другой стороне улицы. Поэтому мне это безразлично. Буду смотреть заодно и за вашим домом.

Он поднялся.

Но Стерлетти, которой он, видимо, понравился и которая чувствовала себя успокоенной его присутствием, усадила его обратно на стул, сказав:

— Нет, нет! Мы вас, нашего защитника, не отпустим так скоро. Пообедайте с нами! Хорошо? Если можно, оставайтесь у нас весь день.

Моряк вышел на улицу и сообщил ожидавшим его товарищам, что он останется здесь и чтобы они прислали ему завтра смену. Отряд двинулся дальше. Двери снова были закрыты, и вскоре все втроем сели обедать в зале. Американец рассказал им, что южно-китайское правительство решило покончить с «тиграми», которым довольно туга достается от войск ревкома.

— Почему же не вмешиваются иностранные консулы в эту безобразную бойню, устроенную над «бедными, неповинными купцами»?

Стерлетти была искренне возмущена.

Американец, казалось, был также смущен этим вопросом:

— Видите ли, мисс, сейчас это делать не рекомендуется... Пришел этот советский корабль. Стоит и ждет. Чего? Неизвестно... Ввиду этого, нам не представляется возможным совать свой нос в эту историю. Англичане и французы также сидят и выжидает, что будет дальше.

— Да, совершенно верно! Но ведь это возмутительно! Все время у нас было тихо и хорошо. Пришел какой-то корабль этих большевиков — и пожалуйте... Неужели ничего нельзя сделать? Выслать этих разбойников?

— Нет, это невозможно... Лучше подождем и будем наблюдать. Нас ведь не трогают...

Он не считал нужным объяснять этим русским женщиным вес и значение в военном деле крупной и мелкой артиллерии. Он скрыл, боясь скомпрометировать и подорвать авторитет американского флота, что советский корабль лучше и сильнее вооружен, чем любой из кораблей империалистов, стоящих в это время в Кантоне.

— Беда с этими большевиками. Всегда и везде они появляются там, где их меньше всего нужно. Кто их просил сюда прибыть?.. Нам они не нужны. Мы в их услугах не нуждаемся. Нас в каждое время сумеют защитить...

Кокетливый взгляд в сторону американского моряка:

— Наши дорогие союзники и друзья — американцы. Не правда ли?

Американец принял этот приторный комплимент как нечто заслуженное и не подлежащее никакому сомнению. Не стесняясь, налил себе новый стакан коньяку. К вечеру вся компания была пьяна, и американец-матрос остался ночевать у Стерлетти в ее комнате, к немалой ее радости.

Ирма Ивановна, лежа на кровати в одном из верхних номеров «пансиона», долго не могла уснуть. Надо идти к врачу. Кашель ее замучил, и в груди по-прежнему кололо как иголками. Старалась быть спокойной. Думала о России, большевиках, борьбе, которую они ведут, и в конце концов уснула, решив, что было бы очень интересно побеседовать хотя бы с одним из прибывших русских моряков. Пусть это будет большевик. Но ведь он — русский? И расскажет ей о далекой родине. Газетам она в последнее время не верила. Они пишут про Россию одно плохое. Не может же быть, чтобы там происходили беспрерывные восстания, пожары, грабежи и тому подобное в течение этих семи лет. Нет, здесь что-то не то...

На этом она и уснула. А из комнаты Стерлетти доносился пискливый смех и громкое гоготание американца...

«Союзник» «защищал» «беззащитную» Стерлетти.

* * *

На другой день за американцем снова пришел отряд моряков, и он, окончив свою миссию, обещал Стерлетти навестить со своими товарищами кафе «Максим». О, он очень доволен и благодарил Стерлетти, которая смотрела на него влюбленными глазами...

Так как истребление «тигров» близилось к концу, как и пожар, жизнь входила в свою нормальную колею, и американские матросы возвратились на свой корабль.

Вечером кафе «Максим» было полно народу, гремела музыка, и бокалы звенели по-прежнему. Разговоры вертелись около произошедших событий, и вся эмигрантщина, в один голос, сожалела «тигров», ругая южно-китайское правительство, ревком и «разбойника и азиата-варвара» Сун-Ят-Сена.

Распространялись слухи, что в произошедшем играли большую роль пришедшие большевики, хотя никто не мог утверждать, что видел в эти дни на улице русского советского моряка.

— Да что там! Они известно — хитрые! Переоделись китайцами и резали «тигров»!..

Для эмигрантщины и такая детская выдумка была утешением. Хотя они сами не верили тому, что говорили.

* * *

Военный моряк, комсомолец Анатолий Нога собирался уже с вечера к выходу на берег.

— Завтра пойдет второе отделение на берег, гулять в Кантон.

Так сказал старший помощник.

Ноге, как и его товарищам, хотелось пройтись по твердой земле. Ох, как хотелось! Радовались и говорили друг с другом о предстоящих прелестях берега. Казалось, что целую вечность не были на берегу. С тех пор, как пришли из Гонконга. Товарищи ходили на банкет и ездили к президенту Сун-Ят-Сену в ставку, а Нога служил в это время на корабле. Надо же было кому-нибудь оставаться. Ладно, зато он завтра погуляет.

— Посмотрим на жизнь китайского пролетариата. А потом дома в ячейке расскажем, что видели в революционном Китае...

Нога на советском военном корабле обошел всю Европу и Азию. Стал настоящим моряком. Высокий, красивый, статный...

Ночь промелькнула быстро. Звуки побудки казались словесной песней. Вскочил. Умылся. Принес чай и, побравившись с товарищами по кубрику, стал пить. Приборка корабля и чистка меди заняли меньше времени, чем обычно.

— Второму отделению приготовиться на берег гулять! Форма одежды: майское!

Через десять минут рослые фигуры моряков стояли построенными на шканцах, у правого трапа. Вахтенный начальник сделал перекличку увольняемых, и они, один за другим, спустились по трапу на шестерку, которая должна была доставить их на буксир, идущий в Кантон.

— Нога!

— Есть!

— Идите! До пяти часов! Не опоздайте!

— Есть!

Внизу, в шлюпке, сел гребцом. Любил гребсти.

Вскоре подошли к берегу, где куча китайских солдат и крестьян с любопытством рассматривала их. Перешли на небольшой белый буксир, который по реке Шу-Кианг доставит их в Кантон.

* * *

— Толька! Слыхал? Батя говорит, что здесь, в Кантоне, много этой нищей братии! Белых-то наших!

Строевой Гребцов с таинственным видом нагнулся к уху своего друга Ноги.

— Вот как? Интересно. Да ну их к богу! Небось, последние деньги проживают!

Нога махнул рукой.

— Лучше с маленькой китаянкой закрутить! Да черта с два! Их не поймешь! Лопочут по-своему...

Гребцов молча кивнул головой.

— Сперва пойдем, Нога, в ха-ро-шую гостиницу и пошамаем! Это первое. Потом покупать разное барахло. А там и по улицам... Познакомимся с жизнью китайского народа... А дальше будет видно... По времени...

— А выпить не зайдем?

Гребцов любитель был выпить. Но выпив, мало пьянел и не бузил. Только разговоры про науку и политику заводил. Спорил... Ему хотелось сегодня выпить. Только партнера не находилось...

Через два часа моряки прибыли в Кантон.

Покинули буксир и рассыпались по набережной. Тепло, даже жарко.

Гребцов и Нога пошли вместе. Разыскали менятьную лавку и обменяли американские деньги на гонконгские доллары и кантонское серебро. Пестрая и шумная жизнь набережной производила на них приятное впечатление. Обоим было радостно и весело.

Ресторан. Видимо, шикарный. Зашли. Сели обедать. Нога долго просил слугу-китайца принести побольше хлеба, так как принесенный ломтик казался морякам смехотворно маленьким. Выпили несколько бутылок пива. Покончив с едой, вышли и снова пошли по набережной.

Они шли рядом — и вдруг остановились.

Один из многочисленных рикш столкнулся с другим рикшой. Седок его, важный китаец в больших очках, вылетел из легкой коляски, которая опрокинулась во время столкновения, и упал на мостовую... Вокруг места происшествия собралась толпа. Рикша упал на колени и, молитвенно сложив руки, стал просить прощения у поднявшегося с земли пассажира в больших очках. Тот что-то кричал и, в гневе схватив палку, ударил ею стоявшего перед ним на коленях китайца по лицу...

Зашатавшись, рикша упал на землю. Но тотчас же, вскочив на ноги, что-то закричал, сжимая кулаки.

Тогда его седок, неожиданно для всех окружающих, выхватил из заднего кармана брюк револьвер... Раздался выстрел. Рикша свалился, как сноп, на землю... Седок же спокой-

но стал продолжать свой путь пешком, не обращая больше внимания на свою жертву, которая продолжала лежать на земле. Толпа, хотя и возбужденная, сумрачно молчала. Какие-то китайцы подошли и посмотрели на лежащего. Подняли и потащили его в ближайший темный переулок, где положили около стены дома. Он здесь остался лежать. Его коляску оттолкнули в сторону.

Нога был страшно взволнован виденной им картиной бесшабашной расправы над несчастным рикшой.

— Ну, брат Гребцов! Было бы у меня только в этот самый момент какое-нибудь оружие, — не спустил бы я это китайскому буржую... Пусть было бы, что угодно...

Долго Гребцов и Нога не могли успокоиться...

Они свернули на большую и светлую улицу Коррера. Зашли в несколько магазинов, купили разную мелочь. Вдруг их окликнули на самом чистом русском языке:

— Господа, вы с русского корабля?

Нога и Гребцов остановились и оглянулись.

Перед ними стояла дама... Это была Стерлетти.

Ее маленькая фигура, сильно напудренное лицо, рыжеватые волосы, вся ее искусственно поддерживаемая красота, как и богатое платье, смущали советских моряков.

Подошли ближе, заинтересовавшись.

— Вам что? Да, мы моряки с советского военного корабля...

— Я русская... Давно не слыхала о России. Может быть, с вами можно побеседовать о нашей далекой родине?

Гребцов молча посмотрел на Ногу.

— Что же, мы можем вам рассказать, если хотите... Не правда ли, Гребцов?

— Понятно! Оно, конечно...

— Зайдите ко мне! Прошу вас, господа...

Обоих матросов коробило... Что это она: «господа» да «господа»... Прямо уши режет... Надо бы сказать...

— А вы давно здесь, в Кантоне?

Стерлетти с любопытством рассматривала моряков, идя вместе с ними по улице по направлению к кафе «Максим».

— Неделю с лишним. Наверное, слыхали о прибытии на-

шего корабля? Ведь весь Кантон был на ногах.

— Да, как же, слыхала. Я с подругой все эти дни мечтала, как бы с кем-нибудь из земляков встретиться и поговорить...

— Ирмочка, встречайте земляков! — воскликнула Стерлетти, когда они вошли в большой зал кафе «Максим».

В нем, как и обычно, днем, не было еще посетителей.

Ирма Ивановна с любопытством взглянула на советских моряков. Значит, это и есть эти «ужасные» «большевистские матросы»? Они показались ей очень добродушными, чистыми и даже воспитанными людьми.

Завязался оживленный разговор.

Ирма Ивановна села рядом с Толей Ногой и расспрашивала его о жизни в Советской России. С каждым словом, с каждым новым сообщением моряка она убеждалась в том, что масса лжи, необоснованной и подлой, распространяется про новую Россию, где живут какой-то новой и непонятной для нее жизнью. Ее глаза разгорелись, и болезненный румянец выступил на лице.

Стерлетти тем временем втянула Гребцова в какой-то пошлый разговор, и видно было, что он ей очень нравится, но она ему — едва ли, так как он неоднократно убирал свою ногу в сторону и незаметно отодвигался, когда Стерлетти, как бы нечаянно, прикасалась своей ногой к его белоснежным, накрахмаленным и тщательно проутюженным майским брюкам. Он, видимо, старался скрыть отвращение, которое ему внушала Стерлетти, и лишь вежливость заставляла его вести беседу с ней.

— Толя! Не пора ли нам идти? Времени ведь немного осталось...

Бутылка коньяку, принесенная Стерлетти, была почти пуста. Но Нога, видимо, углубился в интереснейший разговор с Ирмой Ивановной. Слышать не хотел об уходе.

— Господа! Может быть, вы у нас можете остаться на вечер? Пожалуйста! Просим!

Гребцов не выдержал, раздосадованный на свою собеседницу, которая ему не нравилась, и сердясь на своего това-

рища.

— Вот что, матушка! Господа у нас расстреляны в семнадцатом году. Немногие остались, но те убежали за границу...

Наступила неприятно-длинная пауза.

Стерлетти сделала обиженное лицо. Кокетливо посмотрела на Гребцова и пригрозила пальцем.

— Вы нас все еще считаете врагами? Ну, хорошо! Буду вас называть товарищем... Ведь мы ваши друзья... Такие же русские... Не правда ли?

Но Гребцова это еще больше разозлило. Ударение на слове «товарищ» не понравилось. Да и вообще эта женщина ему была противна. Еще, пожалуй, она — с сифилисом, пятна красные у нее по всему лицу... «Вот у Тольки баба ничего. Хотя тоже потасканная, но красавица!..»

Ему стало обидно, что Толька все еще не собирается уходить.

— Какие вы русские!.. — махнул он рукой. — Так себе, эмигранты. Беженцы... Испугались нас и убежали. Русские только те, кто с советской трудовой книжкой. Других не признаем... А насчет «товарища», так у нас на этот счет есть пословица: «Гусь свинье не товарищ». Так вот и здесь у нас сейчас выходит... Фасон давать вам не к чему, он у вас и так измят...

Почувствовал, что сказал грубость, но махнул рукой — все равно. Приставать больше не будет...

Стерлетти внутри ругала себя за то, что привела в кафе этих «грубиянов». Тайно удивлялась тому достоинству и апломбу, с которым они себя держали. Час спустя оба моряка вышли из кафе и отправились обратно на пристань; Нога все расхваливал Ирму Ивановну.

— Брось ты, Толька, скучно! Ведь она бела, как снег. Так, думаешь, она тебе и душу свою открыла и раскисла перед тобой?.. Я с этой старой рыжей шваброй чуть было не разлялся. Она тут пыталась мне шпилечки вставлять. Думает, что я лапоть или валеный сапог!.. Уж я ей показал!.. Разъяснил: *кто я — и кто она...* Слыхал?

Нога шел и не разговаривал с Гребцовым. Казалось, был занят какой-то мыслью, которая, видимо, поглотила все его внимание.

— Да ты что, парень? Никак, влюбился в эту сероглазую бабенку? Смотри, Толька, глупости этой не вздумай сделять. Ты ведь знаешь, кто она... Будь осторожен... Бабы-то обе, кажется, больные...

Нога досадливо перебил его:

— Враги, враги! Заавралась в самый момент: «Не русские вы, беженцы... господа в семнадцатом году расстреляны...» Эх ты — шляпа, знай, что знаешь, но не ори об этом на всех перекрестках... Ты бы посмотрел, как у моей-то рожа передернулась, когда ты выпалил эти слова... Ведь они так же, небойсь, люди с внутренними чувствами... А ты, чумичка, бух прямо в рожу...

Нога отчитывал Гребцова, как «маленького».

Вернулись на корабль вовремя...

* * *

Стерлетти и Ирма Ивановна, после ухода моряков, поссорились.

— Вы видели и слышали эти милые разговоры, Ирмочка? Ведь это же невежество, серость и невоспитанность! Сказать нам, женщинам, в глаза такие вещи! Главное — к нему подъезжаешь и так, и этак, а он как будто не понимает, чего от него хотят... Что же, я ему должна прямо сказать: «Оставайся у меня спать?» Хороши они, эти большевики! Нечего сказать!..

Стерлетти была больше возмущена притворной недогадливостью Гребцова, чем его словами.

Ирма Ивановна была совершенно другого мнения, и с яростью защищала советских моряков. Она ненавидела эти циничные рассуждения Стерлетти.

— Затащили их с улицы и думаете, что так же, как и ваш американец, набросялся?.. Нет, милочка, они толковые и

умные ребята. Вы бы лучше послушали, как трезво и просто говорил мой собеседник о всяких вопросах... Видно, что обучение ведется в России особенно упорно... Вы бы послушали, какие истины он мне тут выворачивал... Да и помимо всего, они просто очень симпатичные и прямодушные. Что думают, то и говорят. Не нравится — не слушай. А в нашей среде вы это встретите? Ни-ко-гда!

— Ирмочка! Да никак, вы успели влюбиться, как глупая девчонка, в этого большевика? Вас слушать прямо страшно. Хвалебный гимн большевику! Ой, ой, ой, матушка! Бросьте! Выкиньте это из головы! Что вы? Ведь он не обещал прийти к вам ночевать? Может быть, придет? Условились?..

Ирма Ивановна вспыхнула от злости.

— Я не знала и не думала, что все ваши желания сходятся только на одном. У меня немного другой взгляд на эти вещи...

От раздражения она закашлялась. Не могла схватить дыхание. Приступ кашля душил ее. Наконец, выплюнула мокроту в платок.

Светло-розовое кровяное пятно... Остолбенела. Быстро сложив платок, спрятала его... «Неужели?.. Завтра надо идти к врачу...»

После этого Стерлетти и Ирма Ивановна некоторое время не разговаривали.

* * *

Нога не мог забыть таинственных глаз «Синей Ирмы». Он в этот же вечер рассказал своим товарищам о встрече и разговоре с Ирмой, описывал ее наружность и простое, задушевное обращение.

— Фартовая баба, скажу я вам! Что надо! И главное, с понятием по всякому вопросу. Уперлась этаким образом подбородком на руку и слушает. Изредка спросит что-нибудь — и снова сидит, смотрит на меня. Говорил я ей про Россию и наши порядки. А глаза! Эх! Ну, прямо что колодец!

Тысяча морских миль в глубину! Не мог я налюбоваться на них... Смотрел и смотрел... Так и манят к себе. Сил нет оторваться от них...

— Втюрился парень, вот как втюрился. Как бы глупостей не наделал, — говорили моряки, слушая его.

Гребцов же, вдобавок, еще врал и выдумывал.

— Она-то, ребята, подумаешь, и слушает его... Он и так, и этак!.. Слева и справа!.. А она к нему задом повернулась, а он все жарит и жарит... Прямо лекцию прочитал! Насилу вырвал и увел от этой компании. Моя рыжая, та хоть брыкалась. Если бы не отодвинулся — быть бы беде!

Дружный смех был ответом. Старались развлечь Ногу, но он все думал и думал о той, которая сумела его очаровать своими серыми, таинственными глазами...

А она, сидя в своей комнате на кровати, боролась с новым приступом кашля.

* * *

Доктор, седой и розовый старишок-немец, внимательно выслушал ее, выслушал, спросил, пьет ли она вино, покачал головой, потом пристально поглядел на нее и велел одеться.

Ирма старалась не волноваться, но ее руки предательски дрожали...

— Во-первых, не волнуйтесь. Будьте покойны. Это вам вредит. Во-вторых, вам необходимо бросить всякое вино. Иначе я вас лечить не берусь. Это мое непременное условие. Потом...

Он сделал паузу, повернувшись к письменному столу и стараясь на нее не смотреть, спросил:

— Скажите мне, чем вы занимаетесь? Только правду...

Ирма чувствовала, что покраснела до корней волос. Удивилась. Неужели она умеет еще краснеть? Как ему сказать?.. После некоторого колебания решилась:

— Я, доктор... проститутка...

Сказала и закашлялась... Долго не могла откашляться...

— Сюда... — доктор указал на стеклянное блюдце.

Выплюнула и сама ужаснулась. Кровяное пятно.

— Так вот, мадам, слушайте... Я постараюсь вас спасти.

Вам надо изменить место пребывания. Здесь, в Кантоне, климат хоть и теплый, но сырой, малярийный. Вам же надо более мягкий и сухой. Сосновый лес и лечение. Проституцию бросьте. Окончательно. Пить тоже. Вы не курите?

— Приходится... Изредка...

— Совершенно нельзя. Ни под каким видом. Бегать и прыгать также нельзя. Пишу мягкую...

Ирма слушала доктора и чувствовала, как горят ее щеки. Температура повышенная. Взглянула на себя в зеркало. Да! Теперь у нее тот отпечаток, который имеется у всех... «гуляющих»...

Вспомнила жену Пермидова, которую она когда-то ударила. У ней были точно такие же ярко-красные пятна на щеках и скулах.

Заплатив доктору и получив лекарство, пошла к себе домой. Измерила температуру... Тридцать восемь и пять... Как дальше быть?.. Заплакала.

Сейчас она, по-видимому, дошла до предельной грани...

Стерлетти она ничего не сказала. Да та и сама уже, видимо, все знает: не пьет больше из одного стакана или рюмки с Ирмой...

* * *

Нога выпросился у старшего помощника на берег в Кантон. Долго скучил, клянчил — и выпросил. Ребята над ним смеялись, подтрунивали... «Князь» Нога идет к своей «княгине»... Влюбленный спешит на свидание... Грубые, но добродушные шутки. Моряки понимают чувство Ноги, но боятся за него — не вышло бы какой беды. Решили за ним присмотреть на берегу.

Но в Кантоне Нога исчез, и никто не заметил, куда он девался.

— Ишь, дьявол, как побежал к своей сероглазой... Эх, Нога, Нога! Пропадешь ты ни за нюх табаку...

Ирма Ивановна была приятно поражена, когда Стерлетти ей сообщила, что пришел «этот большевистский матрос». Пожав ему руку, она попросила его зайти в зал кафе. Стерлетти сочла нужным тоже присесть за стол и пыталась вмешиваться в разговор. Нога был этим немало озадачен. Ирма Ивановна чувствовала, что моряку не нравилось присутствие Стерлетти.

— Здесь жарко, — не выдержал наконец моряк, — да и времени у меня немного. Может быть, пройдемся?

Стерлетти принесла бутылку коньяку. Ирма отказалась пить.

— Нет, — сказал Нога решительно, — у меня тоже нет никакого желания пить...

— Разве моряк может отказаться от стаканчика коньяку? — подтрунивала над ним Стерлетти.

Но уговоры не помогли.

Ирма Ивановна оделась и вместе с Ногой вышла на улицу. Вздохнула свободно. Их прогулка по набережной продолжалась недолго. Привела его к себе домой, и здесь они совсем по-семейному пообедали. Нога рассказывал о Советской России. Она смутно стала вникать в смысл новой жизни. Спросила, примут ли ее в советское гражданство, и как к ней стали бы относиться в России?

А сама подумала: «К чему я это? Смерть близко...»

— Трудиться надо — это главное! Остальное найдется...

— Я готова трудиться... Но я не знаю — сумею ли?..

Она рассказала Ноге свои похождения в английском мануфактурном магазине «Willks & C°».

Нога выслушал ее внимательно, потом заметил:

— Вы ужасную жизнь здесь ведете! Ведь это — гибель!..

— Вы не знаете, как мне жить надоело. Я готова покончить с собой ...

— Жить надо. Самоубийство — это трусость. Нельзя ей поддаваться...

Нога смотрел как-то странно на Ирму. Она чувствовала в нем что-то новое, хорошее... Не могла дать себе отчета в том, что с ней происходило. Сразу не поняла.

А Нога думал: «Надо же ей быть белогвардейкой!.. Какая досада!»

Время шло незаметно. Разговорам Ирмы с Ногой, казалось, не будет конца. Она чувствовала себя спокойной. Повеселела. Даже кашлять перестала... Нога не заметил, как наступили сумерки. Вскочил встревоженный.

— Сколько времени?

Ирма достала часы из ридикюля.

— Без четверти семь. Вам во сколько надо быть на пристани?

Нога был озадачен. Он никогда не опаздывал, — как это могло с ним случиться?.. Буксир ушел к кораблю в пять часов. Теперь нужно ехать два часа до места стоянки «Воровского», в mestечко Вампса. Но на чем ехать?.. А остаться в городе — где ночевать? На открытом воздухе комары заедят...

Ирма старалась его успокоить.

— Я все-таки пойду: авось, как-нибудь доберусь...

— Я не хочу вас отговаривать, но не поймите меня ложно, вы можете остаться ночевать у меня, а завтра утром поедете на корабль. Имейте в виду, что ночью по Шу-Кианг, на какой-нибудь сампуньке, особенно белому человеку, идти крайне опасно. Может всякое случиться...

Взвесив все доводы, Нога решил остаться у Ирмы Ивановны.

Она послала слугу-китайца за ужином, и они, смеясь и болтая, сидели в большой столовой комнате.

После ужина она завела граммофон, и они слушали музыку. Он рассказывал забавные вещи, и Ирма Ивановна смеялась. Обронила платок... Быстро нагнулась, чтобы поднять его... Нога тоже... Прикоснулся к ее открытой выше локтя руке... Вздрогнул... Старался не смотреть ей в глаза... Она все это заметила... Бедный мальчик! Он казался ей мальчиком, юным и неопытным, несмотря на его зрелые годы и большой рост... Улыбнулась...

Что же? Не все ли равно? Он уедет — и больше они не увидятся. «Пусть останется со мной... Может быть, он любит меня?...»

— Есть ли у вас, Анатолий Николаевич, родные в России?

Он с удивлением взглянул на нее.

— Вас это интересует?

— Да. Очень.

— Есть и родные, и знакомые...

Тут только Нога вспомнил о Шурочке. Комсомолочка она. На «Треугольнике» служит... Он смутился. Обещал ей быть верным... Писал, что никаких знакомств не имеет и не заведет.

«Еще негритянку какую-нибудь полюбишь и про меня забудешь...»

В ушах его слышался звонкий смех Шуры, и мысленно перед его глазами появилось круглое простое лицо с коротко остриженными волосами...

Ирма Ивановна с неприязнью заметила и поняла по его задумчивому виду, что происходило в нем. Слезы обиды подступили к горлу, голова поникла. На лице появилось страдальческое выражение.

Нога спохватился. Ему показалось, что он уже сказал ей то, о чем думал.

— Ирма Ивановна, что с вами?

Взял ее руку и, наклонившись ближе к лицу, взглянул ей в бездонно-серые, таинственные глаза, в которых сейчас же выражение страдания сменилось другим — манящим, притягивающим к себе. Не понимал, что делал. Чувствовал, как ее руки обхватывают его шею. Мелькнуло:

«Что это я, с ума сошел?..»

Дальше ничего не соображал...

Ночь прошла для обоих незаметно. Только под утро заснули тяжелым сном.

— Прощай, Толя!..
— Прощай, Ирма! До свидания! Пойди к консулу... Может быть, что-нибудь и выйдет...
— Может быть... Попытаюсь...
Голос ее дрожал. Безнадежность звенела в нем.

* * *

Нога прибыл на корабль, где уже беспокоились о нем, на следующий день в три часа. Получил неувольнение на берег на десять суток. Товарищи смеялись.

— Вот тебе и серые глазки! Вот тебе и гулянка! Это еще ладно... Командир был в таком, брат, «пузыре»! Думали, что тебя под суд отдаст...

Толя молчал и никому, несмотря на всякие расспросы, ничего не рассказал.

— Ну, она что — баба, наверно, фартовая? Что же ты молчишь? Может, выгнала? Или побила?..

Молчал. Так никто и не узнал о его пребывании у женщины с таинственными серыми глазами...

Сел и написал письмо Шурочке, потом в ячейку. Шуре писал, между прочим:

«...был момент, что я забыл, что тебе обещал. Не сердись. Все это прошло... Должно было пройти, иначе бы я не был комсомольцем. Прости меня. Но ты должна понять...»

Оглянувшись, вытащил полученную им от Ирмы фотографию и быстро, не глядя, стал ее рвать на мелкие куски... Встал и выбросил через иллюминатор. Потянувшись, вздохнул. Громко сказал:

— Кончено! Довольно!..

В подтверждение стукнул кулаком по подвесному столу.

Моряки, находившиеся в кубрике, около своих коек, посмотрели на него с удивлением.

— Ты что, Толька, очумел?

— Нет, я так, заело что-то...

Вышел из кубрика на верхнюю палубу и стал смотреть

на зеленые берега Жемчужной реки. Решил:

«Больше я на берег не пойду. Больше ее не увижу... Надо взять себя в руки...»

* * *

Советский консул вторично отказал Ирме в приеме в советское гражданство.

Последняя надежда рухнула безвозвратно.

Целый день провалалясь в кровати. Думала. Все передумала. В конце концов, голова заболела, в груди заныло. Разнервничалась.

— Кому я теперь нужна? Пьяница, проститутка, с зачатками чахотки...

Но и умирать нелегко. Вспомнила слова Ноги, сказанные им при последней встрече:

— Жить надо. Самоубийство — это трусость. Нельзя ей поддаваться...

* * *

Вилькинс, как и его четыре товарища, остановили свои рикши перед домом, где помещалось кафе и «пансион» «Максим». Слезли и уплатили китайцам. Потом, в нерешительности, взглянули на унтер-офицера, который, весело улыбаясь, кивнул головой на входные двери.

— Boys! Это здесь! Теперь я точно вспомнил место! Зайдемте. Будет весело и мило...

Он лихо подмигнул глазами остальным, щелкнув пальцами.

Четыре рослых американских военных моряка последовали за ним и стали подниматься по крутой каменной лестнице, громко стучая каблуками ботинок.

Стерлетти встретила их с сияющим лицом.

— Все-таки не забыли своего обещания и навестили нас! — воскликнула она, проводя американцев в зал и усаживая их за столики.

Через минуту перед ними стояли бутылки и бокалы, а Стерлетти послала боя-китайца за Ирмой Ивановной, прося ее поскорее прийти. Народу в кафе почти не было, и моряки вскоре почувствовали себя как дома. Когда Ирма Ивановна прибыла, граммофон играл не переставая, и она стала переходить из рук в руки веселых кавалеров, которые неустанно кружили ее под звуки модных мотивов.

Стерлетти тоже принимала участие в веселой пирушке, не забывая при этом получать деньги за выпитое и ставя все новые и новые бутылки на стол. Вызывала еще двух эмигранток, которые, как и прочие, забрались на колени к морякам, распевая песни и прихлопывая в ладоши танцующим парам. Моряки, видимо, пьянили и не обращали никакого внимания на других посетителей.

Один из них упрашивал Ирму Ивановну пойти с ним в номер, но она старалась увернуться от него. Стерлетти успела уже несколько раз незаметно скрыться с Вилькинсом, унтер-офицером, который во время пожара Сей-Ку-Аня «охранял» ее дом. Теперь она его усадила рядом с одной из девиц, стараясь завлечь к себе одного из его товарищей, который бессмысленно-тупо таращил пьяные глаза, пытаясь охватить рукой листья большой пальмы, свесившиеся над его головой...

Продолжалось это необузданное, «культурное» время-препровождение до позднего вечера.

Ирма Ивановна тоже побывала уже в номере, и теперь ее моряк, не переставая, упрашивал танцевать с ним уан-степ...

Присутствующие в кафе принимали живейшее участие в общей безобразной попойке, а Стерлетти, пошатываясь, старалась в середине зала изобразить донельзя неприличный танец. На нее таращили глаза, кто-то громко пел, Вилькинс икал, насилино заливал вино в рот своей девицы, размазывавшей на своей физиономии размякшую от жары плитку шоколада, которую она тщетно старалась сунуть себе в рот.

Пение, поцелуи, хрип, бессвязные отрывки слов и звуков, возня и шатание пар, пытавшихся танцевать, — и над всем этим густое, непроницаемое облако дыма, через которое тщетно старался прорваться пискливый хрип граммофона... Один из матросов пытается тут же раздеть свою девицу, которая висит на его шее, стараясь укусить мякоть его уха.

Какая-то минутная возня в углу... Чье-то сердитое бормотанье. Кого-то толкают. Что-то ищут. Ругаются. Матросы и девицы смотрят в угол, где Вилькинс, сбросив свою даму с колен, искал что-то под столом. Потом набросился на пошатывающуюся девицу...

— Вилькинс... Что ты... ищешь?

— Damned!* У меня исчезли часы... Были здесь, в кармане... Теперь их нет... Пропали.

Злобный, косой взгляд на девицу.

Заметила. Размахивая руками, бормочет:

— Не думаешь ли ты, что я... я их взяла?.. Как?..

Вилькинс, видимо, обозлился.

— Все может быть... От вас, дьяволов, можно всего ожидать...

— Тише! Тише! Вилькинс, не волнуйтесь!.. Найдутся!..

— успокаивала Стерлетти расходившихся.

Но — поздно.

Американец толкнул девицу. Она упала, ухватившись за край легкого столика, который опрокинулся. Бутылки и стаканы с грохотом полетели на пол. Остальные матросы тоже начали опрокидывать столы и бросать стулья в стену. Стерлетти и другие девицы старались их унять, но, получив тумак, летели в сторону... Стекла гремели и со звоном рассыпались... Пальмы были опрокинуты... Крик, шум, возня... Девицы вцепились в моряков...

Ирма Ивановна, которую американец-матрос оттолкнул от себя, когда началось побоище, старалась ускользнуть через двери, у которых встретилась с Вилькинсом, швырявшим все, что попадало ему под руку, в зал, крича что-то

---

* Проклятье! (англ.).

невнятное. Одна из девиц попала бутылкой в матроса, и тот зашатался, ухватившись за стену... По залу летали разные тяжелые и легкие предметы. Перед Ирмой Ивановной появилась девица с окровавленной щекой и съехавшей набок шляпой, с горящими исступлением глазами. Она, как и все, кричала что-то, размахивая ножкой поломанного стула. Заметила Ирму Ивановну и, злобно плонув, бросила в нее ножку... Потом бутылку...

Ирма упала. Почувствовала боль в груди... Кто-то наклонился над ней... Матрос-американец взял на руки, потащил куда-то... Наверх...

— Что? — оловом подернутые глаза пьяного... Шепот... Прижимает ее к себе... Бросил на кровать...

Она чуть слышно простонала:

— Мне больно... Грудь болит... Оставьте... Я не могу...

Не слушает. Лезет целоваться... Ирма хочет подняться — и не может. Обессилена. В изнеможении опустилась обратно... Матрос навалился...

— Умереть бы... Оставьте меня!.. Звери! Сволочи!..

Почувствовала, как мягкое, теплое подкатывает к горлу. Старалась сбросить с себя моряка. И, не выдержав, с отвращением харкнула ему в лицо... Кровью... Испугалась сама и застонала...

Но он ее не оставил. Свое взял...

Внизу крик, шум, треск ломаемой мебели

«Культурное» общество Нового и Старого света — веселилось.

* * *

Кафе «Максим» было окончательно разгромлено. Побили все. И стены исковеркали. Стерлетти второй день больна.

Ирма Ивановна на другое утро ушла. Еле передвигала ноги. Кашель душил ежеминутно. Охватила лихорадка. Дикие образы мерещились. Все тело болело, изнывало. Бро-

силась на свою кровать, но не могла уснуть. Засмеялась истерическим смехом. Выбежала на улицу. Села в рикшу. Велела везти. Куда?

— Куда-нибудь!

Китаец побежал рысью. Прохожие на нее смотрели с удивлением.

Через минуту велела остановиться. Наклонившись к уху китайца-извозчика, шепнула:

— Вези на Children-Street, к Шань-Ли-Чангу... Вези скорее...

Посмотрел удивленными глазами, но повез.

Слезла с рикши и прошла в мрачные, низкие, закоптевшие двери. Молодой китаец встретил и с подозрением всмотрелся в ее лицо.

— Где Шань-Ли-Чанг?

Смутился... Потом в нерешительности:

— Обождите...

— Только скорее.

Появился высокий мясистый китаец с неприятным, злым лицом. Слащавая улыбочка. Шепнула что-то на ухо. Он кивнул головой. Взял ее под руку, и они спустились по темному проходу куда-то вниз, в вонючее и темное помещение.

— Сюда...

В проходе несколько дверей.

Шань-Ли-Чанг открывает одну из них. Приносит цветной бумажный фонарь. Ирма ложится на циновку. Через несколько минут китаец приносит ей длинную трубку... Зернышки... Маленькие, черные... Затягивается... Память исчезает... Заснула...

Опий...

Бич человечества. В особенности Востока.

О, Шань-Ли-Чанг знает свое дело. Хорошо знает. Ирма не первая и не последняя. Он ее когда-то в кафе «Максим», куда он тайно вечером пришел, упрашивал полюбить его... Нет. Она тогда и слышать об этом не хотела... Но теперь...

Лицо китайца приняло звериное выражение, когда он любовался спящей... Она красива... О, он любит белых женщин... Очень.

* * *

Проснулась. Не могла понять, где находится. Мозг горел, как в огне. Стала кашлять... Почувствовала боль... Взгляд упал на трубку. Значит — курила... Да, поехала... Курила... Сон...

За дверьми шепот... Китайцы... Вскочила. Почувствовала страх. Вспомнила что-то. Отвращение...

Вошел Шань-Ли-Чанг. Поклонился. Потом еще и еще. Нагнулся к ее уху. Стал шептать. Ирма замахала руками и головой.

— Нет! Нет! Я не могу... Не хочу... Уйдите!.. Прочь!.. Я!..

Отбросила его влажную руку с невыразимым отвращением...

Открылась дверь, и, бесшумно ступая, вошли три китайца. Ирма хотела вскрикнуть — горло перехватило... Схватили ее за руки и ноги. Держали крепко. Срывали платье... Сине-лазурное... В клочья... Закашлялась... Вырвалась из рук, охваченная ужасом... Увидела себя нагой... Обхватывают дрожащие руки... Обнимают...

Потеряла память. Вспомнила почему-то Алешу...

Потом затихла. Не сопротивлялась...

Иссякли силы.

«Синяя Ирма», бывшая жена полковника Ксинадорова, русская дворянка и великосветская кокотка, теперь же нищая проститутка, больше не вышла из темного подвала дома Шань-Ли-Чанга.

Ее больше живой никто не видел.

* * *

Блестки вечернего солнца сверкают на тихих, серо-желтых водах реки Шу-Кианг. Зеленеют полоски темного берега, и гулко слышно потрескивание пучков пороха, зажигаемых перед изображением «священной» дурашливой статуи

Будды в фанзах китайской бедноты. Время вечерней молитвы. Фанатично верит темное китайское крестьянство.

На середине реки стоит, гордо задрав широкую трубу к небу, «В о р о с к и й» — советский гость. На нем тоже тишина. Только яркий свет иллюминаторов дает понять, что там живут люди. Живут другой жизнью.

Вдруг окрик с мостика. Это вахтенный сигнальщик.

— Товарищ вахтенный начальник! Там плывет какая-то масса... Не могу разобрать, что это такое...

Через три минуты — приказание вахтенного старшины:

— Толька! Тебе идти старшиной на шестерке. Осмотреть, что там плывет...

Небольшими гребками подходят к вздувшейся, точно мяч, массе.

— Суши весла!

Крючковой на носу, с крюком. Кричит:

— Ребята! Труп!

Толкнул к борту крюком.

Нога наклонился... Силился рассмотреть...

— Да, труп... Белый... Никак?.. Никак, женщина?.. Длинные волосы...

Оборванные клочья одежды. Почти голая. Всмотрелся внимательнее. Сел на банку. Глазам не поверил. Снова встал. Притянул крюком к самому борту шестерки...

— Брось, Нога, заразу! Труп и труп... Чего там! Пойдем обратно, на корабль.

— Погодите, ребята!

Мучительная боль, отвращение и страдание выражены на лице мертвой женщины. Окинул еще раз быстрым взглядом.

— На воду!

Доложил вахтенному начальнику о виденном. Но о главном умолчал. Имя женщины скрыл. К чему? Не все ли равно?..

Нога лежал на своей койке и думал о женском трупе, который продолжал плыть вниз по реке Шу-Кианг, прозванной Жемчужной.

О трупе женщины, которая еще так недавно веселилась, пела, плясала, смеялась и любила, расточала ласки и смертельно ненавидела, отплевывалась кровью, — женщины с серыми, манящими глазами, глубокими, как колодец, и известной в мире проституток под кличкой «С и н я я И р м а».

ОБ АВТОРЕ

Паллон Карл Николаевич (1895-1938) — писатель, прибалтийский моряк. Вероятно, уроженец Либавы, начавший свой морской путь малолетним юнгой (эти сведения можно почерпнуть из его рассказов, частично отразивших факты биографии). До Первой мировой войны служил на немецких торговых судах. Участник германской революции 1918-1919 гг. Позднее начальник плавсредств Кронштадтского порта и 1 о/я плавсредств ГВП ТОФ. Был арестован в июле 1937 и расстрелян в 1938 г. во Владивостоке по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Как литератор публиковался в газ. «Красный Балтийский флот»; в частности, был одним из авторов печатавшегося в этой газ. в 1922-1923 гг. коллективного романа «Тайна похищенных документов» (совместно с В. Вишневским, А. Гариним и П. Малышевым). В 1923 г. — один из организаторов группы краснофлотских пролетарских писателей «Алые вымпела» (Петроград, Кронштадт). Входил в Ленинградско-Балтийское отделение Литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛенБалтЛОКАФ).

Автор книг: «Похождения боцмана Бирке» (1924), «Рабы колоний: Сб. рассказов» (1925), «Синяя Ирма» (1925), «Черный налим» (1925), «“Поморец” в походе: Сб. морских рассказов» (1926), публикаций в журн. «Красный флот», «Залп», кн. «Алые вымпела: Сб. краснофлотского литературного творчества» (1924), «Литературная вахта: Альманах центральной краснофлотской группы ЛОКАФ» (1932), «Бойцы и корабли: Посвящается комсомолу морских сил Балтийского моря» (1932).

Повесть «Синяя Ирма» публикуется по первоизданию (Л.: Прибой, 1925). В тексте исправлены очевидные опечатки; орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

ПРЕМНЫЕ СПРАСТИ

SALAMANDRA P.V.V.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.